

per Concordiam

Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы

■ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ И ТЕРРОРИЗМ

Противодействуя экстремистским нарративам

■ БЕЛЬГИЙСКИЙ КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Разделенное общество препятствует ассимиляции

■ ПОНИМАЯ ВРАГА

Пакистан использует истину в борьбе с терроризмом

■ БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В БУРКИНА-ФАСО

Для успеха нужны многообразные методы

ПЛЮС

Защита критически важной инфраструктуры ЕС

Сохранение мира в Северной Ирландии

Как ИГИЛ распространяется в Африке

БОРЬБА С НАСИЛЬСТВЕННЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

Как победить в войне идей

Содержание

основные статьи

НА ОБЛОЖКЕ

Противодействие экстремистским нарративам через образование и работу с людьми — главный фронт в войне с экстремизмом. ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

16

10 Проблемы контрнарратива в Бельгии

Капитан Ларс Скрайен

Регионализм мешает иммигрантам ощутить себя частью новой родины, препятствуя ассимиляции.

16 Пакистан противодействует террористическим нарративам

Полковник Саджид Музафар Чодри, управление по связям с общественностью вооруженных сил Пакистана

Пакистанская армия отвоевывает территорию у Талибана, переломив его нарратив и показывая, что терроризм противоречит исламу.

22 Почему они становятся экстремистами?

Д-р Хуссейн Соломон, университет свободного государства, Южно-Африканской Республики

Экстремизм заполняет пустоты, созданные неспособностью правительств обеспечить социальные услуги и безопасность.

26 Контртеррористические нарративы: практики Казахстана

Д-р Ирина Черных, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований

Самым эффективным является превентивный подход к радикализации в группах риска.

32 Борьба с терроризмом в Буркина-Фасо

Майор Джомань Дидье Ив Бамуни

Буркина-Фасо работает над созданием стратегии борьбы с терроризмом, укорененной в общих национальных ценностях.

22

54

В каждом номере

- 4 ПИСЬМО ДИРЕКТОРА
- 5 АВТОРЫ
- 7 ТОЧКА ЗРЕНИЯ
- 64 РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
- 66 КАЛЕНДАРЬ

36 Обсуждая джихад

Младший лейтенант Анна Джулиано, армия США

Кампания в социальных сетевых ресурсах предотвращает радикализацию, имитируя стратегии онлайн-пропаганды Исламского государства.

42 Угрозы миру в Ирландии

Капитан Чарльз А. Апшоу

В Северной Ирландии непокорные экстремисты пытаются сохранить свою значимость при помощи насильственных методов вопреки успеху мирных договоренностей.

48 Борьба против Исламского государства

Брайант Ву

Для победы над Исламским государством союзникам нужно обращаться к исламскому населению с ясным и связным посланием.

54 Информационные операции в Африке

Подполковник Део Акиики, Вооруженные силы Уганды

Чтобы разоблачить ложь террористов, контрнарративные послания и методы их передачи должны быть адаптированы под конкретную аудиторию.

58 Как защитить критически важные объекты инфраструктуры в Европе

Бенедикт Хопфнер

Новая Доктрина ЕС о сетевой и информационной безопасности улучшает защиту критически важной инфраструктуры, но имеет недочеты.

GEORGE C. MARSHALL
EUROPEAN CENTER FOR SECURITY STUDIES

Добро пожаловать на страницы 28-го выпуска журнала *per Concordiam*, посвященного теме «Борьба с нарративами терроризма: передовой мировой опыт». В эпоху беспрецедентной радикализации и мобилизации терроризма экстремистские нарративы и пропаганда способствуют распространению террористической идеологии и вербовке. Поэтому миру необходимо более энергично противостоять нарративам терроризма в рамках комплексных стратегий борьбы с насильственным экстремизмом.

В этом выпуске мы представляем ряд конкретных примеров из самых разных стран. Д-р Ирина Черных из Казахстана и полковник Саджид Чодри из Пакистана представляют, соответственно, взгляд из Центральной и Юго-Западной Азии, а Д-р Хуссейн Соломон, подполковник Део Акинки и майор Джомань Дидье Ив Бамуни рассматривают проблемы Африки. В центре внимания Ларса Скрайена — Бельгия и ее борьба с внутренним терроризмом.

Тема номера также обсуждалась на недавнем семинаре Центра им. Маршалла «Community of Interest» («Общность интересов»), а также в рамках «Программы по борьбе с терроризмом и исследованиям в области безопасности». Результатом стали следующие выводы и рекомендации:

- **Нарративы — это оружие.** Террористы эффективно используют нарративы в своих информационных материалах, чтобы мобилизовать поддержку и делегитимизировать законные правительства. Прежде чем мы научимся бороться с нарративами, мы должны понять, каким образом они становятся оружием. Террористы используют как Интернет, так и традиционные средства коммуникации — однако эти средства коммуникации также являются важными инструментами противодействия насильственному экстремизму.
- **Правильный выбор целевой аудитории.** Предотвращение радикализации, судя по всему, является более продуктивным подходом, чем дерадикализация тех, кто уже вступил в террористические организации. Ключевая аудитория, к которой должны быть обращены контрнарративы, — это «колеблющиеся». Эти люди проявляют интерес к экстремизму либо являются объектом внимания вербовщиков, но пока еще не перешли к действиям.
- **Простота послания.** Террористические нарративы обычно сводятся к простым, но мощным посланиям. Эти послания, адаптированные под целевую аудиторию, часто обладают сильным визуальным, интеллектуальным или эмоциональным воздействием. Чтобы иметь такую же эффективность, в контрнарративах должны использоваться сходные приемы.
- **Значимость негосударственных партнеров.** Независимо от метода распространения (онлайн или офлайн, прямо или косвенно) негосударственные партнеры должны играть ключевую роль.
- **Главное — оперативность.** Контрнарративы должны быть динамичными и гибкими, чтобы их можно было адаптировать к быстро меняющейся ситуации. Это непростая задача для правительственных бюрократий.
- **Измерение результата.** В частности, онлайн-платформы предоставляют ряд легко доступных средств измерения. Для выявления самых эффективных методов чрезвычайно важно как можно детальнее измерять воздействие контрнарративов на целевую аудиторию.

Цель Центра им. Маршалла состоит в том, чтобы обмениваться эффективными методами, учиться друг у друга и обсуждать новые тенденции, учитывая необходимость активнее привлекать бывших членов террористических организаций, разочаровавшихся в них, а также более плотно работать на упреждение в борьбе с нарративами терроризма. Думаю, все мы согласны с тем, что «судят не по словам, а по делам» — поэтому, чтобы контрнарративы могли содействовать развитию новых принципов и стратегий, они должны сопровождаться деятельностью в реальном мире.

Я надеюсь, что данный номер будет способствовать дискуссии по этому сложному, но важному вопросу. Как обычно, Центр им. Маршалла приветствует ваши комментарии и мнения по этим темам. Ваши ответы будут опубликованы в следующих выпусках журнала. Пишите нам по адресу: editor@perconcordiam.org

Искренне ваш,

Кит В. Дейтон
Директор

Кит В. Дейтон
Директор
Центр им. Маршалла

Кит Дейтон вышел в отставку с военной службы в Сухопутных войсках США в конце 2010 г. в звании генерал-лейтенанта, прослужив в вооруженных силах более 40 лет. Его последним назначением на действительной военной службе была должность Координатора США по вопросам безопасности между Израилем и Палестиной в Иерусалиме. В его послужном списке служба в качестве офицера-артиллериста, а также работа на посту офицера по военно-политическим вопросам при штабе Сухопутных войск США в Вашингтоне (округ Колумбия) и военного атташе США в Российской Федерации. В его послужном списке работа на посту директора аналитической группы по Ираку в ходе операция «Свобода Ирака». Генерал-лейтенант Дейтон проходил стажировку в Колледже для старшего руководящего состава при Гарвардском университете. Он также являлся старшим стипендиатом от Сухопутных сил США в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Генерал-лейтенант Дейтон имеет степень бакалавра истории от Колледжа Вильгельма и Марии, степень магистра истории от Кембриджского университета, а также степень магистра международных отношений от Южнокалифорнийского университета.

Подполковник Део Акиики, руководитель отдела стратегических коммуникаций в Министерстве обороны Уганды. Возглавлял операции военно-информационного обеспечения против пропаганды терроризма группировкой Аль-Шабаб; является специалистом по созданию стратегий противодействия экстремистским нарративам в печатных и электронных средствах коммуникации. Закончил Университет угандийских мучеников со степенью магистра в области прав человека и местного самоуправления. Выпускник «Программы прикладных исследований в области безопасности» Центра им. Маршалла.

Майор Джомань Дидье Ив Бамуни, офицер вооруженных сил Буркина-Фасо. Занимал командные и инструкторские должности, в том числе возглавлял операции контртеррористического оперативного формирования. Имеет диплом в области обороны и конфликтологии; обучается по магистерской программе в области точных наук и экономики климатических изменений. Является выпускником Центра им. Маршалла по «Программе по борьбе с терроризмом и исследованиям в области безопасности».

Полковник Саджид Музафар Чодри работает в Межведомственном управлении по связям с общественностью армии Пакистана. Выступал в Центре им. Маршалла в качестве приглашенного докладчика по вопросу противодействия нарративам терроризма. Закончил Университет национальной обороны в Исламабаде; имеет степень магистра в области национальной безопасности и военных исследований.

Д-р Ирина Черных, старший научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Имеет более 80 научных публикаций, включая монографии, учебники и статьи. Область ее научных интересов: теория и методология исследований в области безопасности и международных отношений; общественная безопасность; радикализация и предотвращение насильственного экстремизма в Казахстане и Центральной Азии.

Бенедикт Хопфнер, выпускник программы магистра гуманитарных наук в сфере международной безопасности (МИСС) Центра им. Маршалла со специализацией в области кибербезопасности. До этого служил офицером ВВС Германии и более пяти лет работал инженером опытно-конструкторских и испытательных работ для военных проектов. Закончил Университет ВВС в Мюнхене; имеет диплом по специальности «Авиационно-космическая техника».

Младший лейтенант Анна Джулиано, офицер полевой артиллерии Армии США. Была ведущим участником команды Военной академии США, вошедшей в финал организованного Госдепартаментом США конкурса «Лицом к лицу: противодействуя экстремизму». Закончила академию со степенью бакалавра химии. Является выпускником Центра им. Маршалла по «Программе по борьбе с терроризмом и исследованиям в области безопасности».

Д-р Сэм Маллинс, профессор, занимающийся проблемами контртерроризма в Центре им. Маршалла; почетный ведущий научный сотрудник Университета Вуллонгонг, Австралия. Член редколлегии журналов «Behavioral Studies of Terrorism and Political Aggression» («Бихевиористские исследования терроризма и политической агрессии») и «Perspectives on Terrorism» («Концепции терроризма»). Автор книги «Home-Grown Jihad: Understanding Islamist Terrorism in the US and UK» («Доморощенный джихад: изучая исламский терроризм в США и Великобритании»).

Капитан Ларс Скрайен, военный научный сотрудник в области контртерроризма Королевского высшего института обороны, являющегося научно-исследовательским центром Министерства обороны Бельгии. Специалист по межведомственному и международному сотрудничеству для борьбы с терроризмом. Является выпускником Центра им. Маршалла по «Программе по борьбе с терроризмом и исследованиям в области безопасности»; недавно вернулся в Центр им. Маршалла в должности приглашенного эксперта.

Д-р Хуссейн Соломон, профессор факультета политических наук и управления Университета Свободного государства, Южно-Африканской Республики. Автор книги «Terrorism and Counter-Terrorism in Africa: Fighting Insurgency from Al Shabaab, Ansar Dine and Boko Haram» («Терроризм и контртерроризм в Африке: борьба с повстанческой деятельностью Аль-Шабаб, Ансар ад-Дин и Боко Харам»), опубликованной в 2015 г. издательством Palgrave Macmillan.

Капитан Чарльз А. Апшоу, заместитель директора «Программы по борьбе с терроризмом и исследованиям в области безопасности» Центра им. Маршалла. До этого был сотрудником оперативного отдела Центра им. Маршалла и командиром роты в Армии США. Выпускник Вирджинского военного института.

Брайан Ву, отставной аналитик разведывательной службы Армии США, проработавший на этом посту 20 лет. На протяжении своей карьеры служил старшим инструктором Разведывательного центра Армии США и старшим инструктором по контракту в Программе подготовки экспедиционных разведывательных сил в школе НАТО в Оберammerгу.

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ЭКСТРЕМИСТСКИМ
НАРРАТИВАМ**

Том 7, Номер 4, 2016

*Европейского центра
по изучению вопросов
безопасности им. Дж.
К. Маршалла:*

Руководство

Кит В. Дейтон
Директор

Бен Рид
Заместитель директора (США)

Йоханн Бергер
Заместитель директора (Германия)

Посол Дуглас Гриффитс
Международные связи

Центр имени Маршалла

Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла — это совместный немецко-американский центр, основанный в 1993 г. Задачей центра является поддержка диалога и понимания между европейскими, евразийскими, североамериканскими и другими государствами. Тематика его очных курсов обучения и информационно-разъяснительных мероприятий: большинство проблем безопасности в 21 веке требуют международного, межведомственного и междисциплинарного подхода и сотрудничества.

Контактная информация:

per Concordiam editors

Marshall Center

Gernackerstrasse 2

82467 Garmisch-Partenkirchen

Germany

editor@perconcordiam.org

per Concordiam — профессиональный журнал, ежеквартально публикуемый Европейским центром исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла и посвященный вопросам обороны и безопасности Европы и Евразии, предназначенный для ученых и специалистов, занимающихся проблемами обороны и безопасности. Мнения, выражаемые в этом журнале, не всегда представляют политику или точку зрения этого учреждения, равно как и любых других государственных органов Германии или США. Все статьи, кроме тех, где указаны авторы, написаны сотрудниками редакции *per Concordiam*. Мнения, выражаемые в статьях, написанных авторами, не являющимися сотрудниками редакции, представляют исключительно точку зрения конкретного автора. Министр обороны принял решение, что публикация этого журнала необходима в целях работы с общественностью в соответствии с требованиями законодательства, распространяющегося на Министерство обороны США.

ДВОЙНОЙ ОБЪЕМ ОНЛАЙН

Читайте новые и старые выпуски *per Concordiam*

<http://perconcordiam.com>

Отправляйте статьи, отзывы и запросы на подписку в
Центр им. Маршалла по адресу: editor@perconcordiam.org

Еженедельно получайте самые свежие новости о
глобальной безопасности

transnational
weekly
<http://www.marshallcenter.org>

ВАЖНОСТЬ ИДЕОЛОГИИ

Контртеррористические стратегии требуют больше «мягкой силы» для эффективной борьбы с террористической вербовкой.

Д-р Сэм Маллинс, Центр им. Маршалла

Установлено, что люди начинают участвовать в террористической деятельности, чтобы удовлетворить различные потребности, включая личные, социальные, духовные, практические и даже финансовые. Также хорошо известно, что для многих террористов удовлетворение своих потребностей важнее приверженности идеологии. И, тем не менее, именно идеология террористических организаций определяет их уникальную идентичность, отличает их от противников и дает четкие понятия добра и зла. Кроме того, идеология формирует основу стратегии террористов, диктуя свои конечные цели, пути и средства и предоставляя членам группы набор инструкций о том, что говорить, как одеваться и действовать. Идеология оправдывает насилие и даже требует его, одновременно дегуманизируя противника и санкционируя любые злодеяния преступников.

Отдельные террористы не должны быть экспертами в идеологии, и они не должны верить каждому слову своих лидеров до тех пор, пока они придерживаются основных идеологических принципов: в чем состоит проблема, кто виноват и что нужно делать. Фактически, самые простые аргументы часто являются наиболее убедительными, и секрет успеха террористической идеологии частично состоит в том, что она рисует черно-белую картину мира, в которой намеренно отсутствуют любые сложности. Это помогает объяснить широкую привлекательность и бесчисленные пути к терроризму наряду с

множеством разнообразных характеристик и мотиваций вовлеченных людей.

Террористов объединяет то, что они находятся под воздействием террористической идеологии и пропаганды. Наряду с определенной формой социального контакта в Интернете или реальном мире и практическими возможностями идеология является одним из трех необходимых условий для присоединения к террористической организации. Действительно, идеология, возможно, является «центром притяжения» терроризма. По мнению Клаузевица, это «источник энергии, который

Делегаты присутствуют на антитеррористической конференции в Министерстве иностранных дел Германии в Берлине в мае 2016 г. На конференции, организованной Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, обсуждались вопросы, связанные с возвращением экстремистов. EPA

Палестинский мальчик с повязкой боевиков ХАМАС во время военного парада. Радикализация часто начинается в раннем возрасте. РЕЙТЕР

обеспечивает моральную или физическую силу, свободу действий или желание действовать». Таким образом, идеология имеет решающее значение для выживания, роста и продолжительной деятельности террористических организаций, и ей следует противодействовать в первую очередь.

Инструменты и методы противодействия идеологии

Необходимость противодействия террористической идеологии вряд ли является откровением. Более десяти лет назад генерал армии США Джон Эбизейд, тогдашний глава Центрального командования вооруженных сил США, заметил, что «борьба идей имеет такое же значение, что и военное сражение». Другие также пришли к тому же пониманию, а к 2003 г. экспериментальные программы дерадикализации велись в таких странах, как Саудовская Аравия, Сингапур и Йемен. С тех пор усилия по противодействию террористической идеологии постепенно расширялись за счет включения

государственных и негосударственных действующих лиц с использованием разнообразных инструментов и методов, направленных на различную аудиторию, включая общество в целом и молодежь из группы риска, а также осужденных террористов в частности. В совокупности эти усилия сейчас называются противодействием насильственному экстремизму (ПНЭ).

Под эгидой ПНЭ по всему миру значительно увеличилось количество информационных операций, проектов по созданию потенциала и инициатив в области образования, наряду со специализированными программами противодействия радикализации и дерадикализации. Некоторые подходят к проблеме на интеллектуальном уровне, например, выявляя рациональные или теологические противоречия в аргументах террористов. Другие используют более эмоциональный подход, обращая внимание на лицемерие и ложь террористических лидеров или влияние терроризма на жертвы и их семьи.

Также предпринимается все больше усилий для демонстрации реальной жизни внутри террористической организации, которая контрастирует с глянцевою пропагандой и наивными ожиданиями новобранцев. Еще один набирающий популярность метод — это высмеивание террористов и превращение их в объект для издевок, примером может служить онлайн-кампания с использованием фотошопа, в которой бойцы ИГИЛ представлены как резиновые утки. Другие все еще концентрируются на позитивных сообщениях, включая заявления о межэтнической или межконфессиональной солидарности, которые противодействуют нарративу террористов «мы против них». И наконец, в некоторых программах также играют важную роль практические подходы, такие как обеспечение образования и занятости. В реальности различные инструменты и методы часто используются совместно и адаптированы к конкретному языку, культуре и условиям целевой аудитории.

Новые передовые методы

Хотя многое в этой области еще предстоит узнать, можно назвать несколько принципов, отличающих передовые методы. Прежде всего, принципиально важно выявить целевую аудиторию (например, молодых людей, демонстрирующих интерес к террористическим идеям/организациям) и понять характеристики этой аудитории. Это важно для поиска надежных посредников, которые смогут оказывать определенное влияние. Для этих целей выбираются бывшие экстремисты, однако такой выбор может быть проблематичным, и они, конечно, не будут единственными людьми, способными противодействовать террористическим идеям.

От характеристик целевой аудитории также зависит

способ подачи и формат сообщений, т.е. где и как привлекать аудиторию, и какой тип носителя использовать. Наглядные материалы, изображения и видео, которые также широко используются для террористической пропаганды, вероятно, будут более эффективными, чем длинные статьи. Тон взаимодействия с целевой аудиторией имеет такую же важность, как и выбор времени; маловероятно, что грубый или жесткий подход вызовет эффект, и то же можно сказать о подходе, который не реагирует и не адаптируется к современным событиям. Наконец, необходимо регулировать подход в соответствии с конкретными местными или индивидуальными обстоятельствами. То, что подходит в одном месте или для одного человека, может быть неэффективным в других случаях.

Основные проблемы

Существует множество проблем, связанных с противодействием террористической идеологии. На практическом уровне зачастую отсутствуют финансы, ресурсы, опыт и знания, что усложняет противостояние обширной террористической деятельности. Оценка рисков отдельных лиц, групп или общин также представляет сложность, в связи с чем трудно определить наиболее перспективные цели для воздействия и эффективного распределения ограниченных ресурсов. Установление партнерских отношений также может быть сложной задачей. С точки зрения правительства, партнеры должны быть надежными, заслуживающими доверия и эффективными; с неправительственной стороны необходимо поддерживать баланс между получением финансирования и других форм поддержки и сохранением независимости. Если какая-либо группа или индивид воспринимается как работающий на правительство, доверие к нему может быть подорвано.

Не существует никакой гарантии, что усилия по борьбе с террористической идеологией и вербовкой будут хорошо приняты повсеместно. Естественно, что террористы и их экстремистские сторонники часто пытаются подорвать эти усилия. В то же время, некоторые слои общества могут чувствовать себя несправедливой мишенью, особенно когда в операциях участвуют полицейские, и такие опасения часто усиливаются негативно настроенными СМИ. Так произошло в Великобритании, где правительственная стратегия «Предотвращение» была ошибочно воспринята как попытка шпионить за мусульманским населением.

Однако наиболее важные проблемы связаны с оценкой. Хотя многие инициативы ПНЭ опираются на предыдущие знания и опыт работы в смежных областях, включая маркетинговые кампании, социальную работу, реабилитацию уголовных преступников и программы по разоружению, демобилизации и реинтеграции, эта область в целом развивается путем проб и ошибок. Кроме того, показатели успеха часто

являются поверхностными; подробные систематические оценки по-прежнему проводятся редко и разобщенно. Определение эффекта мер по противодействию идеологии является сложной задачей, но оно необходимо для совершенствования в этой сфере.

Признаки прогресса

Усилия по противодействию террористической идеологии растут, несмотря на множество проблем. Растущее признание имеет большое значение для этого испытывающего нехватку ресурсов аспекта борьбы с терроризмом, который имеет большой потенциал. Кроме того, несмотря на заметно возросший объем идеологических посланий террористов, в основном благодаря ИГИЛ, возрос и объем контрпосланий. Например, онлайн-контент, направленный против ИГИЛ, в настоящее время превосходит объем контента в пользу ИГИЛ в соотношении 6 к 1. Это произошло благодаря увеличению цензуры со стороны таких компаний, как Твиттер (которая закрыла сотни тысяч учетных записей террористов), а также росту антитеррористической активности в широких массах.

Также стимулируются усилия по повышению профессионализма в области ПНЭ путем предоставления платформ для публикации научных исследований, таких как «Journal for Deradicalization» («Журнал дерадикализации»), и создания специализированных учреждений для содействия обмену информацией и дальнейшего совершенствования передовых методов, включая Международный центр передового опыта по противодействию насильственному экстремизму *HeDayah*, созданный в Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты) в 2012 г., и проект по борьбе с экстремизмом, в рамках которого недавно был разработан алгоритм для оказания помощи в выявлении и устранении экстремистского контента в Интернете. Всемирный фонд гражданского участия и сопротивления является еще одним примером растущей активности в этой области. Фонд, основанный в 2014 г., поставил своей задачей сбор около 200 млн. долл. США в течение 10 лет, которые будут использоваться для «поддержки местных инициатив на уровне общин, направленных на усиление сопротивления насильственным экстремистским программам».

Слишком долго террористы пользовались полной свободой действий для распространения более или менее безальтернативной пропаганды и идей. Ситуация изменилась, и количество голосов против насильственного экстремизма и терроризма постепенно растет. Будущее будет нелегким, но мы не должны отказываться от намеченных целей. Поскольку мы стремимся подорвать привлекательность террористической идеологии, нам крайне необходимо обмениваться информацией, идеями и опытом, чтобы учиться друг у друга и совершенствоваться. Различные примеры, представленные в этом выпуске *per Concordiam*, являются скромным вкладом в эти усилия. □

Проблемы контрнарратива в БЕЛЬГИИ

Капитан Ларс Скрайен

Для борьбы с терроризмом необходимо развивать сильную национальную идентичность и ассимилировать иммигрантов.

Бельгия, страна с населением более 11 млн. человек, выделяется среди западноевропейских государств по количеству ее граждан — иностранных террористов-боевиков в Сирии и Ираке. По данным на июль 2016 г., среди иностранных террористов-боевиков было 457 бельгийцев. Хотя это число составляет лишь треть от иностранных боевиков французского происхождения, доля боевиков на душу населения для Бельгии выше почти в два раза. С 2015 г. бельгийское

правительство, обеспокоенное этими непропорционально высокими цифрами и участием ряда вернувшихся из-за рубежа бельгийских иностранных боевиков в предотвращенных и имевших место терактах, а также под давлением со стороны международных СМИ, активизировало усилия по изучению и предотвращению радикализации. Это область, в которой исследуется и создается множество инструментов; мы же обратимся к вопросу развития бельгийской контрнарратива.

Генри Так и Тания Силверман в книге «The Counter-Narrative Handbook» («Руководство по контрнарративу»), опубликованной Институтом стратегического диалога, называют контрнарративом термин, обобщающий самые разные виды деятельности: от кампаний, организованных «снизу» представителями гражданского общества, молодежными или неправительственными организациями (НПО), до информационной политики правительства. Эти авторы определяют контрнарратив как «сообщение, содержащее позитивную альтернативу экстремистской пропаганде — либо, наоборот, направленное на разрушение или делегитимизацию экстремистских нарративов». Самое простое определение нарратива дается Диной Аль-Раффи в статье, опубликованной в 2012 г. в журнале «Journal of Terrorism Research» («Журнал исследований терроризма»): это «целостная система взаимосвязанных и последовательно организованных историй». По ее словам, эти истории так глубоко укоренены в культуре, что являются неотъемлемой частью идентичности людей и их места в любой возможной культурной ситуации. По мнению Аль-Раффи, исследования радикализации показали, что идентичность занимает центральное место в процессе радикализации и что степень успеха радикалов зависит от их способности предложить потенциальным радикалам особую идентичность.

Поскольку контрнарратив содержит в себе нарратив, а нарративы, в свою очередь, являются неотъемлемой частью какой-то идентичности, мы рассмотрим данный

вопрос, чтобы понять, какие вызовы и перспективы стоят перед Бельгией в развитии основанного на идентичности нарратива, являющегося частью контрнарратива. Есть ли какая-то связь между бельгийской национальной идентичностью и чувством принадлежности, которая могла бы объяснить, почему эта страна поставляет так много иностранных боевиков на душу населения? Что это значит для развития контрнарратива в Бельгии?

Общественная безопасность и идентичности

Для рассмотрения этой темы нам понадобится разработанная Копенгагенской школой теория секьюритизации и понятие общественной безопасности, в центре которой устойчивое развитие и эволюция традиционных моделей языка, культуры, религиозной и национальной идентичности и обычаев. В рамках этой концептуальной схемы уже была осознана значимость речевых актов — то есть того, что мы сегодня называем «нарративом». Теория секьюритизации сыграла огромную роль в теоретическом осмыслении безопасности. Ее основы были заложены книгой Барри Бузана «People, States and Fear» в 1983 г. («Люди, государства и страх»). Развитие теории продолжилось, и название «Копенгагенская школа» стало использоваться для обозначения коллективного исследовательского проекта ряда ученых из Копенгагенского института исследования проблем мира (Дания). Кульминацией их работы стала публикация в 1998 г. книги «Security: A New Framework for Analysis» («Безопасность: новые принципы анализа»). Их работа велась в период после окончания холодной войны в ситуации, требовавшей расширения понятия безопасности и включения в него ранее игнорируемых аспектов.

По мнению Копенгагенской школы, понятие безопасности относится не только к государствам, но и к любым человеческим сообществам; его также невозможно свести к «неадекватной по своей сути» сосредоточенности только на военном аспекте. Согласно теории Бузана, на безопасность человеческих сообществ — а не только государств — влияют факторы из пяти основных секторов, каждый из которых имеет собственный центр и способ приоритизации:

- **Военная безопасность:** связана с взаимодействием между наступательными и оборонительными потенциалами государств и с представлениями государств о намерениях друг друга.
- **Политическая безопасность:** сосредоточена на организационной стабильности государств, государственных устройств и идеологий, придающих им легитимность.
- **Экономическая безопасность:** заключается в доступе к ресурсам, финансам и рынкам, необходимым для поддержания приемлемого уровня благосостояния и государственной мощи.
- **Общественная безопасность:** основана на устойчивом развитии и эволюции традиционных моделей языка, культуры, религиозной и национальной идентичности и обычаев.
- **Экологическая безопасность:** связана с

поддержанием локальной и планетарной биосферы как фундаментальной системы жизнеобеспечения, от которой зависят все остальные виды человеческой деятельности.

С точки зрения приведенной выше концептуальной схемы, общей для экстремистов является убежденность в том, что под угрозой находится общественная безопасность мусульман. Террористы часто опираются на созданное дискурсивно — с помощью речевых актов или нарративов — ощущение угрозы, утверждая, что мусульманам всего мира угрожает «Запад». В 1996 г., объявляя войну тому, что он назвал американской оккупацией «земли двух святых мест», Усама бен Ладен призвал весь мусульманский мир принять участие в борьбе с врагом.

Государства, как и террористические группы, склонны действовать с позиции совокупной безопасности. Бузан описывает это как влияние деятельности государства в одном секторе безопасности на другие сектора. В этом смысле нынешнее обсуждение нарративов и контрнарративов является следствием угрозы, которую представляет международный терроризм как нашей политической (идеологическое основание и легитимность государства), так и общественной (культура, обычаи, идентичность) безопасности. Предметом нашего внимания является сектор общественной безопасности, в центре которого — идентичность.

Бузан использовал двухступенчатый процесс для объяснения того, как и когда проблема воспринимается и вызывает реакцию как непосредственная угроза безопасности. Первая стадия связана с созданием представления — являющегося частью нарратива — о том, что та или иная проблема, группа населения или организация представляют угрозу существованию референтного объекта. Копенгагенская школа утверждает, что безопасность следует рассматривать как дискурс, в котором конструируются идентичности и угрозы, а не как объективное материальное условие. Такой акт секьюритизации может быть инициирован и государствами, и негосударственными субъектами действия — например, профсоюзами, общественными движениями или экстремистскими группами. Использование языка безопасности не означает, что повод для беспокойства автоматически становится проблемой безопасности. Чтобы иметь существенные политические последствия, выработанное на основе консенсуса представление об угрозе должно быть достаточно ярким.

Основой акта секьюритизации является понятие «речевого акта». Речевые акты понимаются как формы репрезентации, которые не просто описывают предпочтения или представления о внешней реальности, но и производят перформативный эффект — как и нарративы, которые мы рассматриваем. В каком-то смысле проблема развития нарративов и контрнарративов далеко не нова, но сегодня у нас есть беспрецедентное количество различных средств коммуникации, с помощью которых производятся «речевые акты». Многие из этих средств не контролируются правительствами. Вторая стадия, имеющее решающее значение для процесса секьюритизации, может быть завершена, только когда секьюритизирующий субъект убедил свою

аудиторию (общественное мнение, политиков, сообщества или потенциальных экстремистов) в том, что есть угроза существованию референтного объекта. Копенгагенская школа считает речевой акт — дискурсивную репрезентацию конкретной проблемы как угрозы существованию — исходной точкой процесса секьюритизации, поскольку проблема может превратиться в проблему безопасности посредством одного только речевого акта, независимо от того, действительно ли данная проблема представляет материальную угрозу существованию.

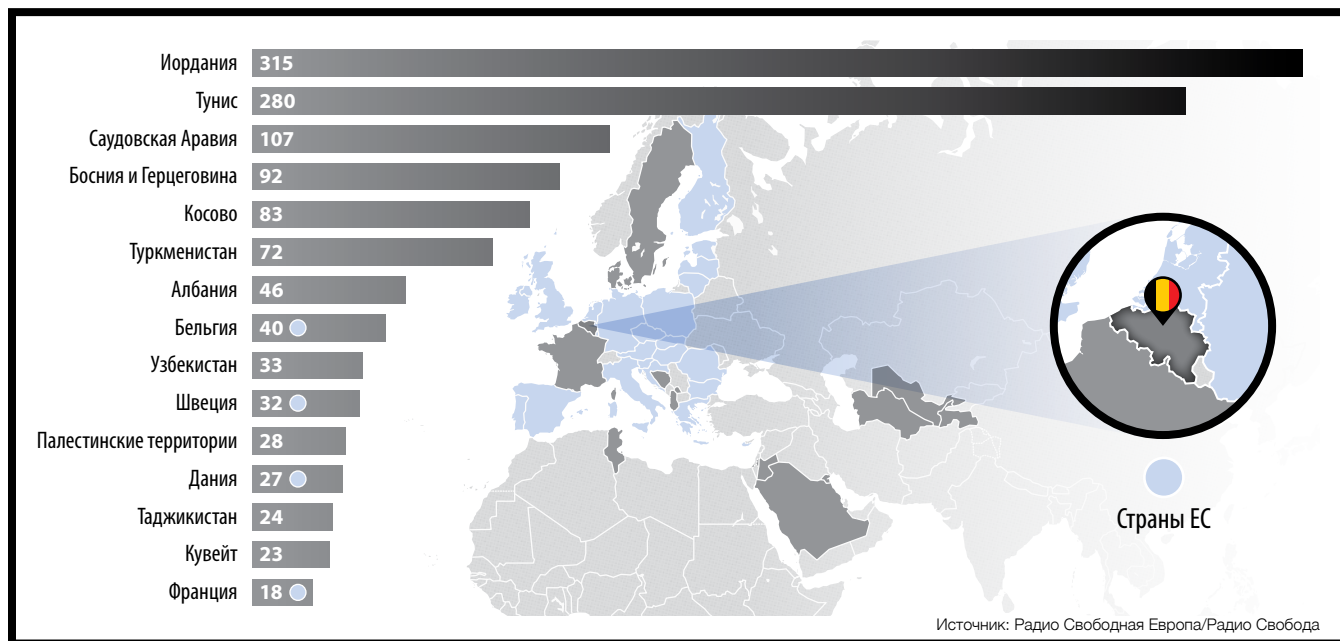
Бузан, однако, подчеркивал, что дискурс, представляющий ту или иную проблему как угрозу существованию референтного объекта — например, ислама или уммы — сам по себе не создает секьюритизацию, а представляет собой только акт секьюритизации. Проблема становится секьюритизированной только в случае, когда ее принимает в качестве таковой аудитория. Идеи, высказанные Бузаном, а также изложенные в книге Лене Хансен «The Evolution of International Security Studies» («Эволюция исследований международной безопасности», 2013 г.) описывают безопасность как дискурс, в котором конструируются идентичности и угрозы. «Терроризм» и «террористы» здесь рассматриваются не как объективно выявляемые угрозы, действия или субъекты действия, а лишь как знаки, образующие «радикально Другое». Антиамериканская, антизападная и антиглобалистская риторика идеологических и стратегических лидеров экстремизма воспринимается как угроза западной идентичности (или общественной безопасности) — что неминуемо заставляет нас обратить на нее внимание. Угрозы идентичности всегда сводятся к восприятию какого-то фактора как угрозы коллективному «мы». Бузан утверждает, что такая угроза одновременно способствует конструированию этого коллективного «мы». «Мы» — это в данном случае Запад, глобализированный или даже несламский — в противоположность автоматически создаваемому «Другому», неглобализированному или исламскому.

Стюарт Крофт в своей книге 2012 г. о секьюритизации ислама указывает, что на этом этапе индивид и его отношение к безопасности трансформируются в результате акта секьюритизации, влияющего как на жизнь своей группы, так и на «Другое». Это может привести к выделению внутри общества мы-группы и они-группы. Крофт обращает особое внимание на то, каким образом исламская идентичность оказалась захвачена актом секьюритизации, имевшим место после терактов 11 сентября и взрывов в лондонском метро в июле 2005 г., когда Британия напрямую столкнулась с джихадистским терроризмом. Джихадистский терроризм — и особенно стоявшая у его истоков Аль-Каида — стали идеей, породившей множество ложных представлений об исламе, ислализме и джихаде, что, в свою очередь, привело к дальнейшей радикализации мусульманского населения, основанной на развитии образов врага.

Рассматривая системы надзора в Евросоюзе, Томас Матисен анализирует понятие образов врага в своей книге «Towards A Surveillant Society» («Навстречу поднадзорному обществу», 2013 г.). Он пишет о том, что у политиков, СМИ

Бельгия – «столица» иностранных боевиков в ЕС

Оценка численности боевиков на душу населения, 2015 г. (на млн. человек)

и граждан Европы возникли не только образы мусульман, но и образы терроризма, организованной преступности и иностранных культур, среди которых исламские сообщества занимали первое место. Эти образы, по его словам, не являются простой фикцией. Терроризм, организованная преступность и растущее число иностранцев на границах ЕС представляют собой реальные проблемы. Но вокруг этих реальностей были созданы образы, сильно преувеличивающие опасность.

В ответ на предполагаемые угрозы общественной безопасности правительствами были приняты многочисленные меры безопасности. Иммиграция относится к общим угрозам национальной идентичности, следовательно, иммиграционная политика представляет собой один из актуальных вопросов, связанных с обеспечением безопасности — если не самый актуальный — во многих европейских странах, особенно после увеличившегося потока беженцев в 2014 г. В этом отношении, по мнению Крофта, полезно взглянуть на численность мусульман среди иммигрантов и населения в целом — ведь именно мусульмане выступают как «радикально Другие» в спорах о радикализации. По данным, собранным Pew Research Center в 2011 г., ожидается, что в целом в Европе доля исламского населения за последующие 14 лет вырастет почти на треть и к 2030 г. составит 8% населения региона, по сравнению с нынешними 6%. Более того, согласно этому исследованию, «предполагается, что в 10 европейских странах доля мусульман превысит 10% от общей численности населения: Косово (93,5%), Албания (83,2%), Босния и Герцеговина (42,7%), Республика Македония (40,3%), Черногория (21,5%), Болгария (15,7%), Россия (14,4%), Грузия (11,5%), Франция (10,3%) и Бельгия (10,2%)».

Такие цифры могут показаться неожиданными для Бельгии. Однако, как справедливо указывает Милица Петрович в статье, подготовленной ею в 2012 г. для Института иммиграционной политики, часто забывают о том, что Бельгия — страна с длинной иммиграционной историей. После Второй мировой войны и особенно с 1960-х гг. в Бельгию прибыло большое число рабочих-иммигрантов. Брюссель подписал ряд соглашений о трудовой миграции с несколькими государствами юга Европы (в первую очередь с Италией), Северной Африки (в первую очередь с Марокко) и с Турцией. Эти соглашения содержали мягкие положения о воссоединении семей. С 1974 г. правительство ограничило трудовую миграцию, но воссоединение семей продолжалось. Со временем миграционные правила ужесточались. Такое прошлое создало в Бельгии крупное сообщество мусульман-иммигрантов второго и третьего поколения.

Как указывает Дина Аль-Раффи в статье 2013 г., опубликованной в журнале «Journal of Strategic Security» («Журнал стратегической безопасности»), считается, что есть две причины, по которым эти мусульмане второго и третьего поколения сталкиваются с трудностями в попытках примирить свою религиозную и гражданскую идентичности. С одной стороны, в отличие от первого поколения иммигрантов, исповедующих более традиционный ислам, иммигранты второго и третьего поколения относятся к своей религии более интеллектуально. Индивидуализация процесса построения религиозной идентичности также может — в силу разногласий внутри семьи — вести к нарушению семейных связей и отчуждению от семьи. С другой стороны, социально-экономические структурные факторы — такие как безработица и низкий социальный статус

— могут вызывать чувство неудовлетворенности страной проживания, мешая таким потомкам иммигрантов ощущать себя полноценными гражданами. В такой ситуации индивид начинает искать себе другую идентичность.

Бельгийская идентичность, единство и принадлежность

На протяжении всей бельгийской истории общественная безопасность — особенно ее языковое и культурное измерение — играла доминирующую роль в политических дискуссиях. Результатом стала политическая структура с шестью различными правительствами: одно федеральное, три региональных (Брюссельский столичный, Фламандский и Валлонский регионы) и два правительства сообществ (франкоязычного сообщества и немецкоязычного сообщества). Фламандский регион и нидерландскоязычное сообщество со временем слились воедино. Линии раздела, лежащие в основе этих бельгийских реформ, сохраняют свое значение и по сей день. Постепенно, начиная с 1970-х гг., они привели к росту автономии различных регионов и сообществ. На данный момент в ведении федерального правительства по-прежнему находятся внутренняя политика и безопасность, иммиграция, правосудие, внешняя политика и оборона. Управление культурой, образованием, здравоохранением, вопросом безработицы и внешней торговлей переданы полностью или в значительной степени регионам и сообществам.

Исследование идентичности бельгийских граждан, опубликованное в 2014 г. Валлонским институтом оценки, прогнозов и статистики, показало, что за последние 10 лет число валлонов, считающих, что они отличаются от фламандцев, возросло почти вдвое — с 35% до 65%. Тем не менее, почти 8 человек из 10 по-прежнему считают себя бельгийцами. Опрос, проведенный Левенским католическим университетом, показал, что только 67% фламандцев считают себя бельгийцами. Продолжающиеся политические и общественные дебаты о дальнейших государственных реформах и призывы к увеличению автономии не остались незамеченными во многих иммигрантских сообществах. Например, иммигранты-мусульмане не могли, почему они должны принимать национальную идентичность и приспосабливаться к бельгийским национальным ценностям, если региональные и культурные идентичности и ценности субрегионов играют более важную роль, чем общегражданская идентичность.

Анализируя секьюритизацию ислама в Великобритании, Крофт изучил влияние терактов 11 сентября на жизнь и мироощущение индивидов по отношению к их различным идентичностям и к исламу. Как и в случае с Бельгией, он отметил, что региональные идентичности (английская, шотландская или валлийская) воспринимаются как более важные, чем общая британская идентичность. В сентябре 2007 г. в ответ на растущий национализм в Уэльсе, Шотландии и Англии и недовольство этнических меньшинств, разрывавшие единство британского общества, британцы создали новый национальный лозунг. Британская идентичность подвергалась критике по ряду причин, однако угроза

терроризма активизировала дебаты об идентичности и модели интеграции меньшинств. Утверждалось, что пришло время строить мосты, а не стены между разными расами и культурами Великобритании. Лорд Тейлор Уорвикский, чьи слова цитируются в книге Крофта, считал жизненно важным, чтобы люди из разных сообществ ощущали принадлежность к британской идентичности наравне со своей второй культурной идентичностью. Тогдашняя ситуация в Британии — борьба между различными проблемами идентичности на фоне иммиграции и радикализации — сильно напоминает бельгийскую ситуацию.

Хотя федеральное и региональные правительства Бельгии сначала с 2012 г. были осведомлены о нарастающей радикализации, увеличении числа бельгийских иностранных боевиков и растущей угрозе терроризма внутри страны, никаких значимых специальных мер не принималось, пока не произошло нападение на редакцию французского журнала «Charlie Hebdo» в январе 2015 г. Почему Бельгия не отреагировала после нападения на Еврейский музей в Брюсселе в мае 2014 г.? Почему понадобился теракт в соседней стране и антитеррористическая полицейская операция, закончившаяся перестрелкой, чтобы власти, наконец, решились ввести меры по борьбе с терроризмом?

Бельгия нуждалась в стимуле, порожденном французским терактами, потому что, несмотря на то, что угроза была очевидна уже в мае 2014 г., теракт в Брюсселе пришелся на самый неудачный момент с точки зрения возможности объединить Бельгию в борьбе с терроризмом. Для Бельгии это был месяц интенсивной политической борьбы, подогревавшейся оживленными дебатами в СМИ и агрессивной политической агитацией. Теракт произошел буквально накануне объединенных региональных, национальных и европейских выборов. Национальное единство перед лицом терроризма в тот момент было невозможным — особенно в ситуации, когда набирающие популярность региональные националистические партии требовали больше автономии.

Все политические партии согласились не использовать теракт в своих попытках повлиять на электорат накануне выборов. Теракт обсуждался спокойно, без явной политизации — в противоположность тому, что произошло в Бельгии после французских терактов января 2015 г. Майского теракта 2014 г. оказалось недостаточно, чтобы объединить Бельгию перед лицом терроризма и укрепить бельгийскую идентичность — как случилось в других странах, таких как Франция. Тем не менее теракт оказал существенное влияние на результаты состоявшихся днем позже выборов. После теракта люди выражали беспокойство по поводу своей безопасности и по поводу границ мультикультурного общества. Теракт, мультикультурные проблемы и потребность в повышении безопасности явно повлияли на результаты выборов и на правительственное соглашение вновь избранного правительства.

Готовность противодействовать угрозе экстремизма и радикализации никогда не занимала столько места в заявлениях предыдущих правительств. Но некоторые из мер, предложенные новым правительством, вышли далеко за пределы полномочий федерального правительства.

Несмотря на то, что импульс, порожденный событиями мая 2014 г., был использован лишь отчасти, он проложил дорогу новой антитеррористической политике. Но обществу требовался дополнительный стимул для принятия этих предложений. Такой стимул появился в январе 2015 г. Всего через несколько дней после французских терактов правительство объявило об инициативе по принятию правительственного соглашения. Одновременное воздействие терактов во Франции и антитеррористической полицейской операции в г. Вервье создали необходимый правительству стимул. Однако единство по-прежнему отсутствовало. Почти сразу же после того, как правительство объявило о введении 12 контртеррористических мер, некоторые члены коалиции выразили свою обеспокоенность по этому поводу.

Большинство мер невозможно рассматривать иначе как репрессивные. Такой подход федерального правительства не является неожиданным. С 1970-х гг. Бельгия пережила ряд государственных реформ и конституционных изменений, направленных на децентрализацию власти в пользу автономных регионов и сообществ. Многие полномочия были переданы региональным правительствам. Быстрое изменение обстановки в сфере безопасности после окончания холодной войны, которое правительственные реформы оставили без внимания, привело к тому, что федеральное правительство обладало лишь ограниченным набором инструментов по борьбе с экстремизмом и терроризмом. Остальные важные инструменты по борьбе с экстремизмом теперь находятся в ведении правительств регионов и сообществ.

После теракта 2014 г. несколько муниципальных округов заявили, что Бельгии недостает интегрированного подхода в силу ограниченных полномочий и плохой координации работы с регионами. В то время как федеральное правительство сосредоточилось на репрессивных мерах и поиске новых методов, региональные правительства бездействовали. Однако после январского теракта 2015 г. во Франции правительства Фламандского и Валлонского регионов заявили о собственных превентивных мерах по борьбе с терроризмом. Теракты, произошедшие в ноябре 2015 г. в Париже, усилили потребность в расширении сотрудничества и введении дополнительных мер, что привело к принятию еще 18 мер федеральным правительством. Однако разногласия между различными сообществами сохраняются. В то время как одни сообщества призывают к расширению автономии регионов, другие стремятся к противоположной цели: возвращению ряда полномочий федеральному правительству.

Отсутствие сильной национальной бельгийской идентичности и связанного с ней позитивного нарратива, а также высокий уровень безработицы и низкий социальный статус исламских иммигрантов можно считать факторами, объясняющими, почему столь многим исламским иммигрантам не удалось интегрироваться в бельгийское общество и почему они стали жертвой экстремистских нарративов. Моленбек, муниципальный район с преимущественно исламским населением, приобрел репутацию благодатной почвы для экстремизма, свидетельством чему является его закрытое микросообщество. Этот район, в котором проживает около

100 тыс. человек, занимает предпоследнее место в стране по уровню жизни, но является вторым по количеству молодежи. Высокий уровень безработицы и преступности, а также почти 10% ежегодный оборот населения делают Моленбек местом постоянной миграции. В подобной среде экстремисты-вербовщики обращают свою проповедь к небольшим семейным и дружеским группам. Сегрегация населения способствует процессу радикализации. Вербовщики говорят потенциальным радикалам, что они чужие в этой стране, что они здесь никому не нужны, что они не смогут здесь жить и никогда не найдут здесь работу. Поэтому чрезвычайно важно решать задачу по ассимиляции представителей иммигрантских общин в целях предотвращения возможной радикализации.

Рекомендации

Для противостояния террористическим нарративам, обращенным к исламской аудитории, Бельгии должна выстраивать собственные авторитетные и легитимные нарративы, основанные на репрезентативной национальной идентичности. Для облегчения процесса ассимиляции важно создать чувство принадлежности для различных иммигрантских сообществ. Бельгийская национальная идентичность подвергается сильному негативному давлению со стороны растущего регионального национализма и многовековых культурных водоразделов среди коренного населения. Это подрывает авторитет и легитимность единой национальной идентичности, которая должна служить основой для такого нарратива. Перед Бельгией открывается три разных пути развития основанного на идентичности нарратива.

Первая опция: поручить органам власти заняться разработкой нарратива — как части контрнарратива — для органов управления общины, который основывался бы на соответствующих признаках идентичности этой общины. Второй вариант — самый маловероятный в краткосрочной перспективе — состоит в том, чтобы использовать эту возможность и потребность в национальном единстве для того, чтобы повернуть государственные реформы вспять и рассмотреть возможность возвращения федеральному правительству ряда полномочий, ранее делегированных сообществам (особенно полномочий, связанных с безопасностью). Последний вариант сводится к усилению и упорядочиванию сотрудничества между федеральным правительством и правительствами регионов и общин с целью создания нарратива, содержащего сильную уникальную идентичность, но при этом уважительно относящегося к сложившемуся исторически национальному составу страны. В этом случае многообразие, представленное различными коренными сообществами Бельгии, может даже рассматриваться как возможность, а не как угроза.

Самая большая сложность заключается в создании сильного антитеррористического противодействия и партнерства, основанного на единении и общих ценностях. Сегодня в Бельгии пришло время объединить силы в борьбе с терроризмом. Поэтому давайте просто будем работать ради достижения идеала, выраженного в девизе Бельгии: «Единство дает силу». □

ПАКИСТАН ПРОТИВОДЕЙСТВУЕТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ НАРРАТИВАМ

НАСТОЙЧИВАЯ МЕДИА-КАМПАНИЯ В
СОЧЕТАНИИ С РЕШИТЕЛЬНЫМИ ВОЕННЫМИ
ДЕЙСТВИЯМИ ОЧИЩАЮТ ТЕРРИТОРИЮ ОТ
АГРЕССИВНЫХ ЭКСТРЕМИСТОВ

Полковник Саджид Музафар Чодри, управление по связям с общественностью вооруженных сил Пакистана

В сущности, нарративы — это истории, которые рассказываются с тех пор, как люди научились общаться. Их роль в управлении государством также признается. В результате информационной революции государства больше не могут ни контролировать, ни устанавливать монополию на информационные потоки. Любой человек или группа, имеющая доступ к Интернету, может рассказать собственную историю. Интересно, что начало информационной революции примерно совпало с ростом глобального терроризма, в результате чего термины «нарративы» и «контрнарративы» вошли в общее употребление. Эти термины часто используются в однородном контексте. Однако недостаточно понятна сложная динамика, стоящая за террористическими нарративами, и формулировка контрнарратива. Для успешности любой нарратив должен быть встроен в уже существующую «рамку». Террористы обычно используют «религиозную рамку», которая глубоко укоренилась в сознании их целевой аудитории.

Понимание этого вопроса в Пакистане улучшилось. Около 15 лет подряд страна и ее вооруженные силы сталкиваются с террористическим бедствием, что приводит к огромным потерям и страданиям. Тем не менее, после долгой и мучительной войны террористы начали уступать свои позиции. Исследование ответных действий Пакистана на военно-политическом уровне ясно показывает, что, несмотря на то, что термины «нарративы» и «контрнарративы» еще не применялись в широком масштабе в то время, данные концепции были поняты и успешно применялись.

ИСТОЧНИКИ НАРРАТИВА ПРОТИВНИКА

Чтобы понять динамику террористических нарративов в нашем регионе, необходимо понимать исторический контекст. В 1979 г. возле западных границ Пакистана произошло два серьезных события — Исламская революция в Иране и советское вторжение в Афганистан. Эти события, и в первую очередь джихадистский афганский период в 1980-х гг., стали основой внутренней террористической угрозы в Пакистане и связанной с ним идеологии.

Произошедшее в разгар холодной войны советское вторжение было тревожным событием как для Запада, так и для Пакистана (по обоснованным причинам собственной безопасности). Постепенно между Пакистаном и США развилось партнерство с участием значительного количества западных и мусульманских стран, вследствие чего Пакистан стал прифронтовым государством в борьбе против Советов.

В то время поддерживался нарратив о джихаде, ведущемся против советского вторжения в Афганистан, который принял форму глобальной пропаганды. Абдулла Аззам, главный идеолог джихадистского проекта, а также возникшей позднее Аль-Каиды, вел свою деятельность в регионе Пешавар с 1984 г. до его убийства в 1989 г. Хотя джихадистский проект достиг своих намеченных целей,

он также сформировал метанарратив о джихаде, который впоследствии трансформировался в различные нарративы терроризма и экстремизма внутри страны и на глобальном уровне. Продолжающийся конфликт в Афганистане гарантировал сохранение базового нарратива.

Период афганской войны оказал глубокое и продолжительное воздействие на пакистанское общество. Нарратив о сопротивлении получил широкое признание благодаря своей легитимности (поддерживаемой государством) и длительности его существования (в течение двух десятилетий) и, следовательно, глубоко укоренился, что привело к экстремистским тенденциям в обществе. Параллельно появилась военная экономика, включающая внешнее и внутреннее финансирование, которая позже переросла в экономику терроризма. Наиболее значительным результатом стала дестабилизация традиционной племенной системы управления на Федерально управляемых племенных территориях (ФУПТ), которые на протяжении более ста лет успешно сотрудничали с правительством. До афганского конфликта ФУПТ были одним из самых спокойных и легко управляемых районов.

После 11 сентября и действий коалиции в Афганистане по искоренению террористов геополитическая парадигма изменилась. В то время как внешняя и внутренняя политика Пакистана может измениться в соответствии с новой обстановкой, изменение сложившихся нарративов и взглядов представляется почти невыполнимой задачей — по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Изменение политики руководством Пакистана было воспринято общественностью как стремление к политической выгоде и уступка иностранному давлению.

НАЧАЛО ПЕРЕМЕН

До 2001 г. Пакистан никогда не сталкивался с серьезным, широко распространенным внутренним терроризмом. Поэтому, когда государство пересмотрело свой нарратив, оно столкнулось со сложностями при ответе на два простых вопроса общественности: Каким образом вчерашние моджахеды сегодня стали террористами? И если джихад (священная война) против такого иностранного оккупанта, как Россия, был легитимным, почему бы его не объявить другим иностранным оккупантам? На эти вопросы было трудно ответить, и образовавшийся вакуум заполнился контрнарративами, пропагандой и теориями заговора, которые породили смятение в обществе.

Такое несоответствие также повлияло на военные операции. В декабре 2001 г. армия Пакистана пришла на ранее мирные ФУПТ — первоначально для закрытия прозрачных границ с Афганистаном и проведения отдельных операций против большого количества боевиков Аль-Каиды, сбежавших из Афганистана. Основные операции проводились с марта 2004 г., но, несмотря на большое количество потерь, террористы продолжали расширять свое влияние, и на пике своей власти контролировали около 32% ФУПТ и округа Сват, и еще 31% территорий находился под спорным контролем. Такое положение дел было связано не столько с военными возможностями

армии, сколько с военно-политическими последствиями расхождений между государственными нарративами и общественным восприятием.

КРИЗИС В КРАСНОЙ МЕЧЕТИ

Значительное событие произошло за пределами ФУПТ в июле 2007 г. в мечети комплекса под названием «Лал Масджид», или Красной мечети, в федеральной столице Исламабад. Ее основатель, Кари Абдулла, проповедовал священную войну во время афганского периода, и позже установил тесную связь с Аль-Каидой. В 2007 г. два его сына были клириками и начали оспаривать судебный приказ правительства, призывая к исполнению законов шариата и свержению правительства. СМИ критиковали правительство за неспособность решить эту проблему, и власти Пакистана осаждали мечеть с 3 по 10 июля 2007 г., одновременно пытаясь вести переговоры со своими противниками, чтобы избежать военных действий. Когда переговоры не увенчались успехом, 10 июля армейская группа специального назначения начала операцию «Тишина». 11 июля после интенсивных боевых действий мечеть была очищена. О жестокости происшедшего можно судить по 10 убитым и 33 раненым сотрудникам группы и 91 убитому боевику.

Это событие вызвало лавину терроризма. Те же средства массовой информации, которые требовали от правительства действий, стали его критиковать. Были созданы нарративы о военных действиях неизбирательного характера, и офицеры и солдаты, убитые в ходе операции, стали неоднозначными фигурами. Такие нарративы вызвали чрезвычайное беспокойство, потому что армия Пакистана пользуется глубоким уважением в обществе, и такое восприятие подрывает ее боевой дух. После Лал Масджида

возникла организация «Техрик-е Талибан Пакистан», которая стала ведущей движущей силой террора.

До операции в мечети с 2002 г. по 2007 г. по всей стране произошло 37 атак террористов-смертников, а после нее в крупных городах в течение шести месяцев в период с 4 июля по 27 декабря 2007 г. произошли 44 атаки террористов-смертников. В это число вошло нападение на базу армейской группы специального назначения, в результате которого погибли 22 спецназовца. С точки зрения общественного мнения, в случае Лал Масджида правительство потерпело неудачу в усилиях по борьбе с терроризмом в Пакистане, при которых государство, осуществляя законную власть, выглядело как жестокий угнетатель, а террористы были прославлены. Лал Масджид был ключевым компонентом нарратива террористов вплоть до его постепенного разрушения, когда в ходе операции «Зарб-э-Азб», начатой в Северном Вазиристане в июне 2014 г., нарративы государства получили широкую поддержку.

После этого кризиса в связи с огромным всплеском терроризма возникло мнение, что вслед за любыми решительными действиями со стороны государства незамедлительно последуют жестокие ответные меры, в любое время и в любом месте. Воспользовавшись таким положением, террористы установили власть в регионе Сват. Лидер экстремистов Мулла Фазлулла, также известный по прозвищу «Радио Мулла», использовал средства радиосвязи для распространения информации среди общественности. Он получил существенную поддержку со стороны отдельных слоев местного населения. Правительство, проанализировав уроки кризиса в Лал Масджид, не начало немедленные военные действия, а использовало сложную тактику ведения переговоров с лидерами боевиков и уступило их требованиям относительно шариатского правления, подписав 16

Пакистанцы на митинге в Карачи в июне 2014 г. в поддержку операций против талибов в Северном Вазиристане. Пакистан успешно противостоит экстремистским нарративам, получая еще большую поддержку военных действий среди гражданского населения.

AFF/GETTY IMAGES

февраля 2009 г. мирное соглашение.

Впоследствии Фазулла и его террористы развязали волну террора в регионе Сват, которая получила широкое освещение в средствах массовой информации. Увидев истинное лицо террористов и то, что они имели в виду под шариатским правлением, общество изменило свое мнение. В конце марта 2009 г. появилось видео избиения девушки террористами, которое поменяло общественное восприятие. В общественном сознании твердо укоренилось мнение о варварстве террористов, и в национальном масштабе возникло требование очистить Сват от этой угрозы. И только 26 апреля 2009 г., после выработки соответствующего общественного мнения в регион Сват была направлена армия.

Операция под кодовым названием «Рах-э-Раст», что означает «правильный путь», была названа точно, и сама по себе стала нарративом. «Рах-э-Раст» считается классической операцией по борьбе с терроризмом и подчеркивает важность нарративов и восприятия. После Свата армия успешно установила контроль над различными учреждениями ФУПТ, и в руках террористов оставался только Северный Вазиристан. Операция «Зарб-э-Азб» началась в июне 2014 г. для победы над последним оставшимся оплотом террористов. К тому времени нарратив государства доминировал.

В долгой войне нарративов государство ценой больших человеческих и материальных затрат четко определило, что это наша война, Талибан является врагом, и ни при каких обстоятельствах он не может противостоять Армии Пакистана.

БИТВА НАРРАТИВОВ

Основными темами нарративов террористов в период с 2001 и в последующие годы были следующие:

- Запад начал крестовый поход против ислама, поэтому джихад обязателен для каждого мусульманина.
- Пакистанское государство противоречит исламу. Демократия — это куфр (безбожная система), которая должна быть заменена на шариат.
- Правительство Пакистана является союзником США и нападает на талибов по указке США.
- Армия Пакистана является союзником США, и поэтому это муртид-армия (вне ислама). Поэтому джихад против нее допустим.
- Атаки беспилотных самолетов осуществляются с согласия правительства.
- Войну с террором ведут США; Пакистан убивает своих граждан-мусульман.
- Средства массовой информации — это фитна (приманка), которая вводит массы в заблуждение.
- Западное образование является неисламским. Образование для девочек — харам (запрещено).

Террористический нарратив должен был свести на нет саму основу государства и его систему управления. Эти нарративы изображали талибов как истинных исламских солдат, должны были посеять замешательство среди пакистанских сил безопасности и отрицали право на

образование для значительной части общества.

В начальный период целевая аудитория террористов была весьма широкой и включала неграмотных и полуграмотных людей, которые могли легко поддаваться влиянию религиозных аргументов, религиозных грамотных людей, которых можно было убедить поддержать дело террористов, и семьи лиц подозреваемых в связях с террористами, которые находились в заключении. Атаки БЛА (с их сопутствующими потерями) были основной темой. Первоначально даже предпринимались попытки посеять сомнения среди сотрудников правоохранительных органов и силовых структур и убедить их, что они на самом деле действуют против единоверцев-мусульман и бывших моджахедов.

Эти нарративы распространялись различными средствами. В ФУПТ и оседлых районах провинции Хайбер-Пахтунхва широко распространялось большое количество литературы и компакт-дисков, разжигающих ненависть. Талибан перенял обширный опыт работы Аль-Каиды с социальными сетевыми ресурсами. В ФУПТ «ночные письма» и брошюры предназначались для запугивания населения, и невыполнение изложенных в них требований приводило к жестоким преследованиям. В регионе Сват Фазулла успешно использовал радиопередачи. В глубинке новые нерегулируемые средства массовой информации также использовались для распространения террористического нарратива благодаря сочувствующим лицам или путем запугивания. В период, предшествующий захвату региона Сват и проведению операции «Зарб-э-Азб», террористические нарративы пользовались более широким признанием, чем нарративы государства, которое пыталось приспособиться к новым условиям. Одной из основных причин было наличие уже устоявшегося террористического нарратива. Продолжение конфликта в Афганистане означало сохранение основы для таких нарративов. Несправедливость по отношению к мусульманской умме (Палестина, Кашмир, Чечня, уничтожение Ирака, Ливии и Сирии) была общей темой, которая помогла распространить нарратив об «исламе».

КОНТРНАРРАТИВ ГОСУДАРСТВА

Нарративы относятся к когнитивной области, и эффективные контрнарративы должны относиться к той же сфере. В целом, существует три психологических подхода к противодействию террористическим нарративам. Они называются «признание, противодействие и уничтожение». Подход «признание» предполагает определенное признание и значение экстремистской группы путем вступления в переговоры или заключения договоренностей. Этот подход иногда использовался для решения тактических задач. Ни одна из договоренностей, заключенных с террористами, не действовала долго. Подход «противодействие» предполагает использование всех ресурсов для ликвидации террористических групп. С 2002 г. по 15 июня 2014 г. использовалось сочетание подходов «признание» и «противодействие», поскольку это требовалось в то время. При подходе «уничтожение» террористы и сочувствующие им

Мальчик участвует в молитвах на празднике разговения в мечети Джамия в Равалпинди (Пакистан) в июле 2016 г. Сложными религиозными нарративами террористов необходимо бороться в религиозной области.

РЕЙТЕР

лица рассматриваются как не имеющие значения или ничтожества, которые просто должны быть уничтожены. После операции «Зарб-э-Азб» этот подход стал единственным.

Целевая аудитория для нарративов или контрнарративов неоднородны, и их можно разделить на различные сегменты. Они имеют форму пирамиды, в которой большинство населения является основанием, а сочувствующие террористам, сторонники, пособники и посредники образуют противоположную часть с опасными террористами на вершине. Между этими сегментами находятся нейтральные элементы, которых можно привлечь на любую сторону, и поэтому они очень важны. Как правило, большая часть населения в целом поддерживает действия государства в вопросах терроризма. Опасных террористов и их пособников невозможно убедить одними нарративами, и в их отношении государство должно применять сдерживающие и принудительные меры. У опасных террористов существует определенная иерархия с «вдохновителем» в верхней части пирамиды и «пушечным мясом» в основании. Успех любой антитеррористической операции следует измерять не количеством уничтоженных террористов, а путем анализа того, к какому сегменту террористической организации они принадлежат. В результате антитеррористической операции может быть уничтожено некоторое количество «пушечного мяса», но это не повлияет на деятельность организации, поскольку «мясо» легко заменяется. Антитеррористические операции должны быть направлены на верхушку террористической организации, для того чтобы нанести ущерб ее потенциалу. Другими словами, битва нарративов сама по себе не приносит большой пользы. Поскольку нарративы и контрнарративы относятся к когнитивной области, для того, чтобы они были эффективными, на определенном этапе необходимо применение физических действий. Невозможность перехода от когнитивных к физическим действиям означает отсутствие результатов.

В процессе эволюции пакистанских контртеррористических нарративов было сделано четкое различие в двух областях. В когнитивной области основными элементами контрнарративов были следующие:

- Это наша война (не американская война).
- Конституция Пакистана является исламской.
- Пакистанское общество и вооруженные силы принесли огромные жертвы, чтобы подавить терроризм.
- Террористы — это хариджиты/варвары, получающие иностранное финансирование и не связанные с исламом, которые убивают женщин и детей.
- Исламские нормы позволяют мужчинам и женщинам получать образование.

Эти контрнарративы явно отвергают упомянутые ранее террористические нарративы. В битве нарративов важнейшей задачей было убедить население в том, что это наша война. Когда она была достигнута (частично в регионе Сват и всесторонне при проведении операции «Зарб-э-Азб»), террористы стали считаться врагами, и легитимность сил безопасности Пакистана стала неоспоримой.

Были приложены значительные усилия, чтобы объяснить, как террористы извратили Священный Коран, цитируя стихи из него вне контекста. Например, «убивайте их, где бы вы их ни встретили» — это один из наиболее известных стихов, но он использовался вне контекста, без первой части, в которой говорится: «и сражайтесь за Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не переходите границы, ведь Аллах не любит тех, кто преступает закон».

Эти стихи в правильном контексте не нуждаются в объяснениях. Смысл нарушения закона также ясен, так как в исламе содержатся четкие правила о войне, которые запрещают любые крайности в войне и проводят четкое различие между воюющими и невоюющими. Таким образом, солдаты армии Пакистана могли бы гордиться тем,

что они являются солдатами-мусульманами и сражаются против фитны, искажающей религию в своих целях.

ПОБЕДА В ВОЙНЕ

Контрнарративы должны быть выстроены на прочной основе, которая может превратиться в убеждения. Без истинной убежденности невозможно бороться с высоким уровнем фанатизма среди террористов. Тремя основными столпами контрнарративов являлись законность действий государства, имеющих общественную поддержку; боевая доблесть армии Пакистана, не позволявшая гражданам, солдатам и террористам сомневаться в окончательной победе, и, наконец, обозначение террористов как врагов, не принадлежащих обществу, которые приносят беду или нарушают мир и спокойствие на земле. Эти кардинальные контрнарративы были предназначены для полного отказа от террористического нарратива (связанного с подходом «уничтожение») и его последовательного устранения из общественного сознания.

Помимо когнитивной области, наиболее важным аспектом является физическая среда, которая должна была обеспечить необходимую поддержку или свидетельствовать о подлинности контрнарратива. В физической среде террористы создавали атмосферу террора и страха, действуя без разбора, убивая и калеча мирных жителей, женщин, детей, политических лидеров и активистов и обезглавливая пленных солдат. Но постепенно эти действия также вызвали чувство отвращения.

Что касается действий государства, операция «Зарб-э-Азб» стала наиболее важным ответом, который в значительной степени восстановил безопасность. Однако были и другие аспекты, включая законодательство для поддержки операций правоохранительных органов, реформы медресе и улучшение социально-экономических условий в регионе ФУПТ путем принятия соответствующих законов и масштабного развития. После атаки на армейскую государственную школу в Пешаваре 16 декабря 2014 г. правительство начало работу над всеобъемлющим национальным планом действий для решения всех проблем, связанных с терроризмом. Общим результатом стало значительное сокращение возможностей террористов по совершению массовых атак. В результате возросла уверенность общественности в способности государства, и особенно армии, обеспечить безопасность. Благодаря возросшему чувству безопасности общественность не только поддерживает действия государства, но и сокращает сеть поддержки для террористов.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НУЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Для распространения нарратива государства использовались и используются все возможные средства. После нападения на армейскую школу для средств массовой информации были сформулированы новые кодексы поведения. Медийное пространство стало недоступным для лиц, сочувствующих террористам, которые ранее вызвали смятение в общественном сознании. Для охвата отдаленных районов была создана общенациональная сеть радиостанций. Видные

богословы отвергают террористические нарративы и говорят о правильном духе ислама в своих проповедях и выступлениях в СМИ. Управление по связям с общественностью Вооруженных сил (ISPR) взяло на себя инициативу в деле продвижения контрнарративов в области кино и музыки. После бойни в школе ISPR выпустило песню «Бара душман» («Некоторые враги»), в которой дети бросают вызов террористам. Песня передала настроение народа и стала популярным хитом.

Песня имела стратегический эффект в плане восприятия, и талибы выпустили пародию на эту песню, однако она не имела практически никакого эффекта. ISPR выпустило еще одну песню на первую годовщину резни в школе, произошедшей 16 декабря 2015 г. Она тоже стала хитом. Темой сиквела была идея о том, что «мы должны учить детей врага». Это означает, что, несмотря на то, что полное уничтожение террористов и их идеологии не подвергается сомнению, государство не будет враждовать с их детьми, которых оно хочет учить по тем же программам, которые запрещали террористы. В каждой песне был четко определен и призван к ответу враг нации. После многих лет смятения это стало значительным достижением.

ПЕРЕДОВЫЕ МЕТОДЫ

Самой большой проблемой для Пакистана было противодействие метанарративу джихада. Для этого нашему государству понадобилось 13 лет и огромные человеческие и денежные затраты. Тем не менее, битва нарративов не прекращается, и для обеспечения долгосрочного успеха требуется постоянное реагирование. Ниже приведены некоторые рекомендации, которые следует учитывать:

- Идеологическим или религиозным нарративам можно противостоять только в пределах их сферы влияния.
- Необходимо тщательно анализировать различные сегменты целевой аудитории и создавать контрнарративы, предназначенные специально для них. Средства распространения нарративов должны иметь максимальный охват и влияние.
- Средства массовой информации играют решающее значение для распространения нарративов. Медийное пространство должно быть закрыто для террористов и их нарративов любой ценой.
- Контрнарративы (когнитивная область) могут быть эффективными только при наличии соответствующих мер/действий со стороны государства (в физической области), и наоборот.
- Терроризм не имеет религиозной основы. Изображение террористов как лиц, связанных с исламом, поддерживает террористические нарративы и умаляет значение контрнарративов.
- Очернение ислама или оскорбление религиозных чувств мусульман (например, в фильмах, мультфильмах и т.д.) играет на руку террористам и экстремистам.
- Мусульманские общины в западных обществах должны выражать абсолютную нетерпимость к экстремистской деятельности, включая разжигающие ненависть проповеди. □

ПОЧЕМУ ОНИ СТАНОВЯТСЯ ЭКСТРЕМИСТАМИ?

КАК ПРОИСХОДИТ ИСЛАМИСТСКАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ И ВЕРБОВКА В АФРИКЕ

Д-Р ХУССЕЙН СОЛОМОН
УНИВЕРСИТЕТ СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА,
ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ФОТОГРАФИИ АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

Его звали Сейфуддин Резги. Ему было 23 года, он учился на инженера и происходил из вполне обычного городка Гафур, в 80 километров от столицы Туниса. Футбол был его страстью — Резги болел за мадридский «Реал». Еще Резги любил рэп и участвовал в соревнованиях по брейк-дансу. Но у него было и другое имя — Абу Яхья аль-Кайравани — и группировка ИГИЛ именовала его «солдатом халифата». 26 июня 2015 г. Резги спрятал автомат Калашникова в зонтик и хладнокровно расстрелял туристов на курорте Сус в Тунисе. 38 человек — преимущественно британцы — были убиты; еще десятки получили ранения. После теракта следователи обнаружили ряд свидетельств, указывающих на то, что Резги был радикализирован в Интернете с помощью пропаганды ИГИЛ в социальных сетевых ресурсах.

Как полагают многие комментаторы, основой способности ИГИЛ распространять радикальную идеологию является грамотное использование этой организацией социальных сетевых ресурсов, таких как Фейсбук, Твиттер, YouTube и Instagram. К июню 2015 г. ИГИЛ владело 90 тыс. аккаунтов в Твиттере. Для молодых людей, страдающих от отчужденности, особенно притягательным оказывается использование рэп-музыки в пропагандистских видеороликах. Такой подход радикально отличается от серьезных видеозаписей с длинными проповедями экстремистов из старшего поколения Аль-Каиды (таких как Усама бен Ладен и Айман аз-Завахири). Чтобы представить себе размах использования ИГИЛ социальных сетевых ресурсов, рассмотрим следующий факт: всего лишь за одну неделю 2015 года ИГИЛ выпустил 123 обращения в СМИ на шести языках. Двадцать четыре из них представляли собой видеоролики.

Проникновение идеологии ИГИЛ даже в далекую Южную Африку легко увидеть в словах, написанных 18-летним молодым человеком из Йоханнесбурга. Используя псевдоним «Абу Хюрайя аль-Африки», он пишет: «Я вступил в Исламское государство, потому что его цель — возвеличить слово Аллаха (нет Бога, кроме Аллаха) превыше всего и принизить слово куфр (неверие), а именно это велит нам делать Аллах в Коране. Поэтому участие в джихаде является долгом всех мусульман мира». Влияние принадлежащих ИГИЛ социальных медиа также наглядно просматривается в Нигерии, где с января 2014 г. по март 2015 г. были предотвращены попытки 24 тыс. молодых людей покинуть страну. Власти опасались, что большинство из них собирались вступить в ИГИЛ.

За последние несколько лет ИГИЛ создало местные подразделения по всей Африке. Группы Абдельмалик, руководитель алжирской группировки «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКМ), объявил, что он и его подчиненные разрывают отношения с АКМ, которая, по его словам, «уклонилась от истинного пути». Он хотел позиционировать свою группу как Джунд аль-Килафа («Солдаты халифата») и прямо заявил о том, что поддерживает ИГИЛ. Тунисская «Бригада Укба ибн Нафи» также откололась от АКМ и заявила о своей лояльности ИГИЛ. Тем временем в разрываемой конфликтами Ливии вернувшиеся из Сирии члены ИГИЛ создали лояльную ИГИЛ группировку «Бригада аль-Баттар». Ее военные успехи, подкрепленные захватом города Сирт, — родины бывшего правителя Ливии Муаммара Каддафи — придали группировке больше уверенности в своих силах и побудили ее сменить название на «Исламское государство Ливии» (ИГЛ). В Нигерии группировка «Боко Харам», чье негативное влияние ощущается по всей Западной Африке, заявила о своей лояльности ИГИЛ. Одновременно внутри лояльной Аль-Каиде сомалийской группировки Аль-Шабаб возникли разногласия по вопросу присоединения к сторонникам ИГИЛ.

Все это ставит перед нами интересный вопрос: в чем причины распространения радикальной ваххабистско-салафитской идеологии

Два молодых человека, завербованных в экстремистскую группировку на севере Мали, читают стихи из Корана на пресс-конференции в 2012 г.

ИГИЛ, основывающейся на ненависти к другим религиям и течениям ислама, если учесть, что большинство мусульман Африки принадлежат к суфийскому направлению ислама?

Суфийские братства (по-арабски «тарикат») подчеркивают необходимость преодоления разрыва между Богом и человеком через любовь и познание истинного внутреннего «я». Эта форма ислама является более личностной и эмоциональной; она ставит во главу угла божественную любовь в противоположность божьему гневу. Более того, суфизм издавна гармонично сосуществовал с многообразием доисламских народных традиций — что, конечно, способствовало его популярности.

Ответ заключается в том, что благотворительные организации, действующие в таких странах, как Саудовская Аравия и Катар, годами занимаются финансированием исламистского экстремизма в Африке и подрывают привлекательность суфизма. Возьмем, например, тысячи студентов, которые уже много лет подряд отправляются совершенствовать свое исламское образование в такие учебные заведения, как университет аль-Азхар в Египте, университет аль-Узай в Ливии, Дамасский университет в Сирии и десятки подобных заведений в Саудовской Аравии. Неоднократно отмечалось, что большинство этих студентов возвращаются с более радикальными убеждениями, чем те, кто остался дома. Как пишет Джон Йо в своей книге «Reflections on Afro-Arab Relations: An African Perspective» («Размышления об афро-арабских отношениях: взгляд из Африки»): «Большинство африканских студентов, учившихся на Ближнем Востоке, обвиняются в том, что они провоцируют текущие религиозные конфликты в Нигерии, Гане, Кении и Танзании... Именно эта группа студентов считается источником исламского радикализма в Африке. Говорят, что некоторые из этих групп связаны с экстремистскими организациями, действующими в Африке под видом благотворительных институтов».

Однако студенты являются не единственным каналом проникновения радикализма в Африку. Ежегодное паломничество, во время которого десятки тысяч африканцев отправляются в Мекку, также может служить каналом распространения радикального ислама. Появление в Западной Африке таких классических произведений ваххабистской литературы, как «Комментарий к книге Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба «Китаб ат-Таухид» («Книга единобожия»)» Абдуррахмана ас-Саади, оказало настолько глубокое влияние на связанных с Аль-Каидой экстремистов из Мали, что они сменили свое название, в соответствии с заглавием книги, на «Движение за единобожие и джихад в Западной Африке». С учетом всех этих фактов можем ли мы удивляться тому, что группировки, подобные «Боко Харам», выступают с гневными проповедями против светских государств, а экстремисты из организаций Ансар ад-Дин и Аль-Шабаб громят суфийские святилища в Мали и Сомали? Недавнее проникновение в Африку идеологии ИГИЛ является логическим продолжением этих тенденций.

Экстремисты используют ухудшающиеся экономические и политические условия в странах Африки с целью усилить свое влияние на недовольные группы населения. Благодаря более качественной (по сравнению с некомпетентностью и коррумпированностью многих правительственных бюрократий) организации, использованию волонтеров и доступу к финансовой помощи из стран Персидского залива салафиты смогли внедриться в беднейшие регионы по всей Африке и оказать им помощь. Например, в Мали, начиная с 1980-х гг., радикальные исламисты, используя методы экономического развития, опирающиеся на инициативу снизу, смогли создать мечети, современные школы, больницы, аптеки и культурные центры. Одновременно они завоевали лояльность жителей этих регионов.

Ярким примером эксплуатации экономических условий можно считать развитие террористического движения в Ливане и распространение финансируемой Ираном группировки Хезболла («Партия Бога») на африканском континенте. В своей проницательной книге «Hezbollah: Social Services as a Source of Power» («Хезболла: социальные службы как источник власти», 2010 г.) майор армии США Джеймс Лав отмечает, что отлаженные методы работы Хезболлы крайне эффективно используются на африканском континенте. В период своего становления ячейки Хезболлы используют приемы скрытого внедрения, чтобы, не привлекая к себе внимания, получить доступ к конкретной территории. Они завоевывают доверие местного населения, занимаясь сбором средств на благотворительность и другими программами социальной помощи. Все это находит отклик у неимущих жителей Африки на фоне кажущегося безразличия к нуждам населения со стороны политиков, больше озабоченных личным обогащением. Завоевав доверие местных жителей, ячейки Хезболлы начинают вербовать местное население, что позволяет им заняться проведением операций. Такие ячейки могут функционировать только после создания базы народной поддержки.

Еще одним фактором, подрывающим толерантный суфизм и повышающим привлекательность радикальных версий ислама, является тесное сотрудничество между суфийскими организациями и властями государств. Многие суфийские лидеры получают финансовую поддержку от своих правительств. Близость суфийских лидеров к коррумпированным и авторитарным правительствам лишила их доверия и популярности в глазах обычных граждан и послужила почвой для яростных атак со стороны радикальных исламистов. В результате умеренный суфийский ислам не смог стать заслоном для распространения радикального ислама, потому что суфийские лидеры воспринимались населением как часть коррумпированного государства.

Сходным образом, другие исламские организации, ставящие своей целью содействие толерантности и миру между религиями, были запятнаны близостью к зачастую хищническим и авторитарным государствам. В 1980-х гг. для снижения межрелигиозной напряженности в Нигерии был создан Консультативный совет по

Вооруженный мужчина из группировки Ансар ад-Дин дает указания в рупор на центральной площади г. Тимбукту (Мали) перед публичной поркой.

делам религии, представлявший интересы мусульман и христиан. Подобные структуры появились по всему континенту: Верховный совет мусульман в Танзании, Верховный совет мусульман Кении, Верховный совет мусульман Уганды, Исламская ассоциация Руанды и Исламская ассоциация Малави. Мало кому из них удалось смягчить межконфессиональную вражду. В силу своих предполагаемых связей с режимами, воспринимавшимися населением как нелегитимные, мусульмане, участвовавшие в работе подобных организаций, рассматривались как часть таких режимов. Подобное восприятие еще больше усилил тот факт, что зачастую такие мусульмане выступали в поддержку действующих правительств. Дискредитация умеренных мусульман открыла экстремистам возможность распространять свою идеологию ненависти.

Что же можно предпринять в будущем для снижения масштабов радикализации африканцев и их вербовки в ряды воинствующего ислама? Во-первых, нужно предпринимать больше мер для борьбы с присутствием ИГИЛ в социальных сетевых ресурсах, закрывая соответствующие аккаунты в Твиттере и удаляя их шокирующие видеоролики с YouTube. Также необходимы энергичные усилия по распространению взглядов, альтернативных идеологии ИГИЛ. Хотя подобные меры уже предпринимаются, они должны быть более решительными. Во-вторых, необходимо оказывать большее давление на страны Персидского залива, чтобы они прекратили финансирование ваххабитских и салафитских форм ислама на африканском континенте. Обескураживает тот факт, что государства, поощряющие развитие экстремистской идеологии (в том числе Саудовская Аравия),

по-прежнему пользуются поддержкой стран Запада.

Кроме того, государства Африки должны делать больше для укрепления умеренного и толерантного суфийского ислама, чтобы он смог стать заслоном на пути неумолимого натиска салафизма. Однако, если суфийское течение ислама по-прежнему будет не критично относиться к Западу и восхвалять существующие режимы, это будет и дальше способствовать подрыву влияния суфизма и укреплять радикальные идеологии. Необходимо, чтобы суфийский ислам выражал проблемы и чаяния простых мусульман — даже если это означает критику действующих властей. Поддержка, оказываемая умеренными мусульманами коррумпированным режимам, будет и дальше способствовать делегитимизации умеренных сил.

Экстремизм также распространяется по африканскому континенту в контексте наличия хищнических государственных элит, больше озабоченных своим личным обогащением, чем судьбой обыкновенных граждан. В этом контексте исламские экстремистские группы обеспечивают ряд краткосрочных мер по увеличению защищенности граждан: больницы, школы, продукты питания и финансирование. Тем самым они завоевывают поддержку своей идеологии. Международное сообщество стремится помочь африканским правительствам, обучая местные службы безопасности и поставляя вооружение, необходимое для борьбы с группами, подобными Аль-Шабаб. Однако вместе с тем оно также должно оказывать давление на африканские правительства, побуждая их уделять больше внимания нуждам населения, чтобы тем самым устранить причины для недовольства, которые экстремисты используют в своих преступных целях. □

Контртеррористические нарративы: практики Казахстана

В стране используется многосторонний подход

Д-р Ирина Черных,

главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований

Набор нарративов и структура дискурса в Казахстане определяются двумя факторами:

- **местом Казахстана в современной системе международных отношений** — Казахстан находится на периферии международных отношений и является малым государством, проводящим многовекторную политику;
- **Казахстан является слабым государством** — здесь отсутствует единство дискурсивного пространства. Структура власти в странах Центральной Азии строится не по схеме «центр — периферия», а предполагает множественность центров, которые конкурируют между собой, чтобы сохранить и защитить свое доминантное положение. Каждая социальная группа — этническая, религиозная, группа влияния — выступающая как один из множества центров власти, стремится повысить собственную безопасность.

Периферийность Казахстана и слабость его государственности приводят к тому, что на присутствующие здесь нарративы «накладываются» нарративы, производимые великими и региональными державами. Поэтому многие идеи, играющие важное значение в Казахстане, в действительности производятся вне него, а казахстанские дискурсы их только репродуцируют.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ

Формирование контртеррористических нарративов в Казахстане определяется тем, что Казахстан рассматривается как стабильное государство, в котором не было

серьезных, «резонансных» террористических акций глобальной или региональной значимости. На национальном уровне к настоящему моменту можно говорить только о нескольких событиях, террористический характер которых признается как правоохранительными, так и судебными органами:

- серия насильственных акций в 2011 г. (неудавшиеся подрывы в городе Атырау 31 октября и действия террориста-смертника в городе Тараз 12 ноября, в результате которых погибло 7 человек);
- ряд видеороликов «Солдат Халифата», размещенных в сети Интернет и содержащих требования изменить законодательство Казахстана, регулирующее религиозную деятельность в стране.

Все эти события так или иначе привязаны к дискуссии относительно Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», принятого в 2011 г. и направленного на усиление государственного контроля за религиозной деятельностью в стране.

Кроме того, существуют «непубличные» действия, такие как финансирование террористической активности, призывы к свершению террористических актов, действия спецслужб по предотвращению террористических атак и т.д. Информация о такого рода действиях, как правило, не является резонансной и не формирует контртеррористические нарративы.

К террористической активности, связанной с Казахстаном, но выходящей за его пределы, относится также дискуссия относительно иностранных боевиков, участвующих в боевых действиях в сирийском конфликте (в основном на стороне так называемого

«Исламского государства»). Тема иностранных боевиков казахстанского происхождения стала одной из ключевых в 2013 г., когда в интернете появилась фотография и видеоролик, изображавший 150 боевиков казахстанского происхождения, уехавших воевать в Сирию. Общая их численность оценивается в 250-400 человек. Хотя эти цифры не могут считаться значительными, боевики казахстанского происхождения активно используются в пропаганде ИГИЛ:

- в видеороликах, размещаемых в интернет-пространстве, среди выходцев из Центральной Азии демонстрируются почти исключительно казахстанцы;
- акцентируется наличие в ИГИЛ казахских женщин и детей для продвижения идеи, что «государство» включает несколько поколений и в состоянии готовить новое поколение, впитавшее его ценности.

Тот факт, что значительное число казахстанцев перемещается в зону Сирийского конфликта семьями, может служить основанием для предположений, что они не намерены возвращаться в Казахстан и не связывают с ним свое будущее.

К настоящему времени в Казахстане сформированы две основные стратегии борьбы с насильственным экстремизмом и терроризмом:

1. использование силовых акций с целью физического уничтожения противника;
2. превентивное обеспечение невозможности полноценного функционирования террористических

структур, главным образом, профилактическая работа с населением.

Принципиальная установка государственных органов в Казахстане состоит в убеждении, что в борьбе с терроризмом одни лишь силовые акции, не подкрепленные другими действиями, ничего не решают и даже могут привести к другим, более опасным последствиям, поскольку они не устраняют среды, порождающей террористическую активность. Эта установка формирует основания для перехода в контртеррористических нарративах от концепции «терроризм» к более широкому понятию «радикализация».

РАДИКАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

В настоящее время термин «радикализация» получил достаточно широкое распространение. Популярность концепции «радикализации» определяется ее объяснительной силой в отношении причин терроризма и факторов, обуславливающих террористическую активность. Начиная с 2004 г., и особенно 2005 г., после, соответственно, взрывов в Мадриде и Лондоне, термин «радикализация» стал центральным в исследованиях терроризма и политики борьбы с терроризмом.

В Казахстане относительно систематическое использование термина «радикализация» началось с 2011 г., когда в стране произошла целая серия акций насильственного характера, большинство из которых в общественном и экспертном мнении было интерпретировано как террористические. Так, 4 июля 2011 г. канал

Силы специального назначения являются частью комплексного плана Казахстана по противодействию терроризму.

«Стан.тв» разместил ролик под названием «Казахстан: угроза радикализации ислама», посвященный нападению на полицейских в городе Актобе. 22 ноября 2012 г. в рамках Международной конференции по вопросам противодействия терроризму на религиозную радикализацию населения Казахстана указал первый заместитель Генерального прокурора Казахстана Иоган Меркель. К середине 2010-х гг. термин «радикализация» прочно вошел в политический, научный и публицистический словарь.

На настоящий момент можно выделить две группы факторов радикализации населения в Казахстане: внутренние и внешние. К внутренним факторам могут быть отнесены:

- вопросы идентичности и ее сохранения;
- отчуждение и маргинализация (прежде всего среди молодежи);
- социальное неравенство и отчаяние из-за отсутствия перспектив;
- низкий уровень жизни отдельных слоев населения;
- дискриминация и унижение, в сочетании с моральным негодованием и чувством мести;
- низкая грамотность населения (прежде всего религиозная);
- коррупция;
- недовольство политической ситуацией.

Внешние факторы радикализации населения Казахстана представлены на двух уровнях:

1. **Глобальный**, связанный с политикой и риторикой великих держав, а также с распространением идеологий глобальных экстремистских групп (таких как Аль-Каида или ИГИЛ).
2. **Региональный**, связанный с ситуацией в соседних странах и возможностью «перетекания» радикальной идеологии из них в Казахстан:
 - **фактор Афганистана** — хотя мы не имеем общей границы, считается, что радикальные идеи из этой страны могут проникать в Казахстан;
 - **нестабильность в соседних с Казахстаном странах** — Таджикистане и Кыргызстане

Основным фактором, способствующим радикализации на международном уровне, является идеологическое воздействие со стороны заинтересованных внешних сил.

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ

Основой формирования контртеррористических нарративов в Казахстане выступает соответствующая нормативно-правовая база, регулирующая антитеррористическую деятельность. Законодательство Казахстана по данному направлению является достаточно полным и его дальнейшее совершенствование может быть только точечным. Помимо этого, реализуется специальная Государственная программа противодействия религиозному экстремизму и терроризму на 2013-2017 гг., которая предусматривает систему мер по снижению

условий для проявлений религиозного экстремизма и терроризма, а также постоянное совершенствование работы государственных органов.

В Казахстане можно выделить две группы институтов, формирующих контртеррористические нарративы:

1. **Светские** (Ассамблея народа Казахстана, Агентство по делам религии, Антитеррористический центр КНБ, неправительственные организации, центры по изучению проблем религии, средняя и высшая школа, масс медиа).
2. **Религиозные** (Духовное управление мусульман Казахстана, имамы, работающие на местах). Привлечение к формированию контртеррористических нарративов представителей других религиозных структур, например, Казахстанского митрополичьего округа Русской православной церкви, не осуществляется, поскольку в Казахстане общепринятой является установка о том, что экстремизм и терроризм носит исключительно исламский характер.

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА (АНК)

АНК, совещательно-консультативный орган при Президенте Республики Казахстан, является одной из ключевых структур в области формирования и распространения идей духовного единства, укрепления и сохранения дружбы народов, межэтнического и межконфессионального согласия, стабильности в обществе. Собственно, контр-нарративы формируются в рамках Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства в 2015 г., основной смысл которых может быть представлен следующими примерами:

- «фундамент казахстанской идентичности и единства — общенациональные ценности, основанные на культурном, этническом, языковом и религиозном многообразии»;
- «казахстанская идентичность и единство — это непрерывный поколенческий процесс. Он базируется на том, что каждый гражданин, независимо от этнического происхождения, связывает свою судьбу и будущее с Казахстаном. Единое прошлое, совместное настоящее и общая ответственность за будущее связывают общество в одно целое: “У нас одно Отечество, одна Родина — Независимый Казахстан”».

КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

Комитет по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахстан формирует и реализует государственную политику в области обеспечения прав граждан на свободу вероисповедания и взаимодействия с религиозными объединениями, разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства в соответствующей сфере, проводит соответствующую разъяснительную работу, осуществляет анализ развития религиозной ситуации в стране и проводит религиозно-экспертную.

**«Нельзя
записывать
каждую
женщину в
хиджабе или
мужчину с
бородой в
потенциальные
террористы!
Важно не то,
что на голове,
важно то,
что в голове
человека»**

Казахские мусульмане молятся возле мечети в Алматы во время праздника Ид аль-Адха. Традиционные мечети помогают в борьбе с радикализацией в Казахстане.

AFP/GETTY IMAGES

Сотрудники службы безопасности собрались на месте перестрелки в Боралдае (Казахстан) в декабре 2011 г., в результате которой погибли пять подозреваемых боевиков и два сотрудника службы безопасности. Серия террористических атак в этом году стала тревожным сигналом об опасности радикализации в Казахстане.

Каналами проведения контртеррористических нарративов выступают информационно-разъяснительные группы, проводящие работу по обеспечению свободы религии и предотвращения радикализации населения, а также культурно-образовательный Интернет-ресурс «e-islam.kz» и телефонная «горячая линия» для консультации населения по вопросам, связанным с религией. Также эксперты в области религиоведения проводят мониторинг интернет ресурсов на предмет экстремистского содержания и добиваются их блокировки. По данным Комитета в 2015 г. было проанализировано более 7 тыс. сайтов и выявлено 177 экстремистских ресурсов, материалы по которым были направлены в суд.

Примерами контрнарративов, производимыми Комитетом по делам религий, могут служить высказывания его председателя Галыма Шойкина:

- «... светскость — единственно правильный выбор, который изначально сделала наша страна, чтобы представители различных этносов и конфессий могли жить в мире и согласии»;
- «... все религиозные объединения, обладая равными правами, имеют и равные обязанности и, вне зависимости от вероисповедания, несут равную ответственность за совершаемые ими

правонарушения на основаниях и в порядке, установленных законом».

ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН КАЗАХСТАНА (ДУМК)

Традиционный ислам в Казахстане представляет Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК). Являясь наследием советского прошлого, ДУМК сегодня имеет статус республиканского исламского религиозного объединения с филиальной сетью во всех регионах страны. Каналами проведения контртеррористических нарративов выступают:

- развитие собственной системы теологического образования (в рамках 10 медресе и одного университета);
- система аттестации и повышения квалификации имамского корпуса, включающая разъяснение особенностей законодательства в сфере религии, а также специфики профилактики распространения экстремистских идей (в 2015 г. переподготовку прошло 1 400 имамов);
- республиканские и региональные информационные группы по работе с верующим населением;
- публикация религиозной просветительской литературы (в 2015 г. — 41 наименование) и

функционирование сайтов (www.muftyat.kz, www.muslim.kz).

Примером контр-нарративов могут служить высказывания главного муфтия Казахстана Ержан Хаджи Малгажулы:

- «... мы не можем сказать, что религия отделена от государства, потому что государство состоит из общества, а общество немислимо без религии. ... религия отделена от политики. Вот, что следует уяснить. Религия не должна вмешиваться в политику. Нельзя использовать религию в качестве средства для достижения каких-либо политических целей»;
- «Наши предки ... имели только одну цель: цель сохранения нации».

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В Казахстане существует ряд НПО, фокусирующих свою деятельность на вопросах профилактики и противодействия насильственному экстремизму и терроризму и работающих с разными фокусными группами:

- с осужденными за религиозный экстремизм и терроризм и отбывающими срок наказания в тюрьмах («Акниет»);
- с верующими мусульманами (на уровне джамаатов, мечетей, семей) («Шапагат», «Ансар», «Нурлы», «Билим»);
- с молодежью («Гражданский альянс», «Ассоциация центров исследования религии»);
- с жертвами насилия, женщинами («Центр помощи пострадавшим от деструктивных религиозных течений»);
- Примером контрнарративов могут служить высказывания Юлии Денисенко, директора Ассоциации центров исследования религий:
 - «Нельзя записывать каждую женщину в хиджабе или мужчину с бородой в потенциальные террористы! Важно не то, что на голове, важно то, что в голове человека»;
 - «К джихаду не приходят, в него сбегают».

СРЕДНЯЯ И ВЫСШАЯ ШКОЛА

Средняя и высшая школа является одним из наиболее важных институтов в сфере профилактики радикализации и насильственного экстремизма, а также продвижения контртеррористических нарративов. В этой связи в стране происходит изменение концепции религиозного образования, направленное на повышение религиозной грамотности населения. Так, обязательный курс для средней школы «Основы религиоведения» трансформируется в курс «Основы светскости и религиоведения». Среди учащихся средней и высшей школы проводятся систематические семинары по профилактике радикализации, просветительская работа по вопросам религии и формированию научных знаний и иммунитета к деструктивной религиозно-окрашенной идеологии, критического мышления. Сегодня в Казахстане наиболее

актуальной проблемой является недостаток квалифицированных специалистов — религиоведов. Для решения этой проблемы реализуется государственный заказ на подготовку специалистов по вопросам религии (на 2014-2015 гг. по специальности «Религиоведение» было выделено 82 гранта; по специальности «Исламоведение» — 150, по специальности «Теология» — 15).

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Профессиональное сообщество журналистов разработало Кодекс этики освещения в СМИ актов терроризма и экстремизма. Общие правила: поддержка жертв терроризма, власти и правоохранительных органов по борьбе с терроризмом; безусловное осуждение действий террористов. Альянс блогеров Казахстана отслеживает случаи распространения экстремистской и террористической идеологии в социальных сетях, и соответствующие материалы направляют в суд с целью блокирования деструктивных Интернет-ресурсов. В Казахстане был также снят 3-х серийный документальный фильм о ситуации в Сирии, основанный на интервью с бывшими казахстанскими боевиками, воевавшими в зоне сирийского конфликта, и осужденными за эти противоправные действия. Фильм несколько раз демонстрировался по телевизионным казахстанским каналам и, по оценкам телезрителей и экспертов, имел серьезное эмоциональное воздействие на граждан страны.

ВЫВОДЫ

В основном разрабатываемые в Казахстане контртеррористические нарративы направлены на изменение модели поведения радикализировавшегося человека, а не на изменение его мышления. Являясь менее затратными, эти нарративы направлены на отчуждение радикализировавшихся и стимулирование имитации ими «нормального» поведения. С другой стороны, не существует мер, однозначно решающих вопрос радикализации. Радикализация человека, так и его дерадикализация — это индивидуальные, уникальные процессы, влияние на которые в каждом конкретном случае оказывают различные факторы. Таким образом, проактивные меры, направленные на изменение установок и убеждений людей, входящих в уязвимые группы и группы риска, и, соответственно, предотвращение радикализации, являются более эффективными в долгосрочном плане. В рамках реализации проактивного подхода, направленного на профилактику радикализации, наиболее важными представляются такие направления, как:

- системное изучение ситуации и непрерывный мониторинг уровня радикализации, а также наиболее уязвимых групп населения (групп риска);
- принятие мер по ассимиляции уязвимых групп (групп риска) в общество;
- обеспечение более активного вовлечения женских организаций в профилактику радикализации и дерадикализацию. □

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В БУРКИНА-ФАСО

Западноафриканская страна стремится выработать комплексную стратегию по борьбе с терроризмом

Майор Джомань Дидье Ив Бамуни

Терроризм и насильственный экстремизм доминируют в Западной Африке с начала кризиса в Мали в 2012 г. В отличие от других стран Сахельского региона (например, Мали, Нигера, Мавритании и Чада), до недавнего времени Буркина-Фасо не сталкивалась с терроризмом — возможно, это было связано с ее имиджем страны-посредника.

С 2015 г. базирующиеся на севере Мали террористические группировки, такие как «Аль-Мурабитун» и «Фронт освобождения Масыны», начали совершать нападения на Буркина-Фасо. Самый масштабный теракт произошел 15 января 2016 г. в столице страны г. Уагадугу: его жертвами стали 33 человека, в том числе три террориста. Эксперты убеждены, что в будущем регион ждут новые теракты. Поэтому Буркина-Фасо необходимо адаптировать свою стратегию по борьбе с терроризмом, укрепив ее с помощью совместного антитеррористического бюро.

Уже сейчас Буркина-Фасо использует ряд методов как военного, так и гражданского характера для борьбы с терроризмом и насильственным экстремизмом, задействуя различные механизмы государственной власти и инструменты социальной политики. Но эти подходы не являются элементами комплексной стратегии.

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В БУРКИНА-ФАСО
Терроризм и насильственный экстремизм лишь недавно стали представлять угрозу безопасности Буркина-Фасо. В ноябре 2014 г. в стране произошло народное восстание,

приведшее к отставке президента Блэза Компаоре. Свергнутый президент одновременно исполнял роль посредника Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) по кризису в Мали. После переворота власть в стране перешла к временному правительству, которое утратило рычаги влияния на политическое урегулирование малийского кризиса.

Терроризм в Буркина-Фасо развивается по трем направлениям. Во-первых, возросло число террористических актов на севере Мали, и теперь сложившаяся ситуация угрожает безопасности Буркина-Фасо. В апреле 2015 г. на севере страны был похищен сотрудник румынской горнодобывающей компании, а охранник, пытавшийся предотвратить похищение, был убит. В августе и октябре 2015 г. были совершены нападения на посты безопасности в Урси (север Буркина-Фасо) и в Саморогуане, на западе страны. В январе 2016 г. террористы напали на ресторан и отель в Уагадугу. А совсем недавно, в сентябре и октябре 2016 г., были атакованы посты безопасности в Кутугу, Интангоме и Маркое на севере страны. Предполагается, что эти нападения были совершены группировками «Аль-Мурабитун» под командованием Мухтара Бельмухтара и «Фронт освобождения Масыны» под командованием Амадуна Куффы. Обе эти группировки входят в организацию «Аль-Каида в странах исламского Магриба» (АКМ).

Во-вторых, активные точки радикализации были обнаружены в определенных областях. Например, небольшая

секта в Бобо-Диуласо придерживалась религиозной доктрины, схожей с салафизмом. А в некоторых суннитских мечетях практикуются строгие направления ислама, предполагающие, помимо всего прочего, отрицание западной культуры. Как бы то ни было, в обоих случаях они открыто не призывают к джихаду. До настоящего момента только одна джихадистская группа отчетливо проявила себя и осуществила нападение в Саморогуане. Считается, что во время оккупации Северного Мали террористическими группировками в этой группе состояло до 30 бывших сотрудников исламской полиции Тимбукту. В настоящее время эта группа распалась, а большинство ее лидеров отбывают наказание в тюрьмах Мали и Буркина-Фасо. В июне 2016 г. в Уагадугу прошло обсуждение результатов недавнего исследования, в котором принимали участие исследователи, специалисты по безопасности и представители гражданского общества. Все они признали наличие в Буркина-Фасо структурных проблем и факторов, способствующих радикализации. Эта радикализация является исламской и происходит в мечетях и сельской местности при содействии иностранных грабителей, которые иногда используют деньги, чтобы привлечь бедных людей. С 2013 г. службами безопасности было зарегистрировано 425 иностранных грабителей. Есть также сообщения о том, что проповеди экстремистских взглядов ведутся в сельских районах юга и востока страны. С учетом того, что мусульмане составляют 60,5% населения Буркина-Фасо, эта угроза требует серьезного внимания.

В-третьих, доказательств массовой вербовки молодых буркинийцев джихадистскими группировками нет. Однако некоторые известные боевики-джихадисты носят имена, характерные для Буркина-Фасо. Это, главным образом, молодые буркинийцы, учившиеся в арабских странах, таких как Египет, Судан и Сирия. По окончании учебы они возвращаются в Буркина-Фасо, где находят мало возможностей для трудоустройства. Причиной этого отчасти является нежелание государственных органов принимать на работу арабговорящих сотрудников, ведь государственным языком страны является французский. В последнее время некоторые из этих зарубежных боевиков были арестованы службами безопасности Буркина-Фасо в процессе подготовки ими терактов на территории Кот-д'Ивуара. Бубакар Савадого, еще один руководитель южного крыла группировки «Ансар ад-Дин», был арестован службами безопасности Мали в мае 2016 г.

ИНСТРУМЕНТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ
Буркина-Фасо пока еще не имеет хорошо установленной комплексной стратегии по противодействию

насильственному экстремизму и по борьбе с терроризмом. Однако страна использует ряд инструментов для обеспечения своей безопасности. Во время недавних терактов в Уагадугу эти инструменты позволили дать более эффективный отпор.

На дипломатическом уровне страна является членом Африканского союза и ЭКОВАС. Вооруженные силы Буркина-Фасо входят в резервные войска ЭКОВАС, под эгидой которых проводились многосторонние военные учения. Кроме того, приоритетным для страны является сотрудничество с соседними государствами в военной сфере и сфере безопасности, что нашло отражение и в оборонной политике Буркина-Фасо. Таким образом, страна имеет отличные отношения с соседями в области военного сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности как на стратегическом, так и на локальном уровне.

Прочное сотрудничество в сфере безопасности было продемонстрировано во время расследования терактов в Уагадугу, Бамако (Мали) и Абиджане (Кот-д'Ивуар): эффективный обмен информацией привел к аресту подозреваемых во всех трех странах. Такое сотрудничество недавно было подкреплено созданием Сахельской группы пяти — политического содружества стран Сахельского региона, в которое входят Буркина-Фасо, Чад, Мали, Мавритания и Нигер. Это позволило улучшить обмен информацией и организовать совместные операции на приграничных территориях. Более того, Буркина-Фасо усилила сотрудничество в военной сфере и в сфере безопасности со своими стратегическими партнерами: Францией, Тайванем и Соединенными Штатами. Это сотрудничество включает новые иностранные базы, программы обучения и поставки оборудования, а также совместные операции.

С начала кризиса в Мали были сделаны большие шаги по совершенствованию антитеррористических военных мер и мер безопасности. Армия Буркина-Фасо участвовала в первой возглавляемой африканскими странами Международной миссии по поддержке Мали, целью которой было остановить деятельность вооруженных террористических, преступных и повстанческих группировок в Мали и помешать этим группировкам перенести свои действия в страны, расположенные к югу от Мали. В настоящее время Буркина-Фасо является страной с крупнейшим военным контингентом в Мали: там дислоцированы 1 742 военнослужащих, в том числе 140 служащих вновь созданного полицейского подразделения, развернутого в июне 2016 г. в г. Гао. Помимо этого, на севере Буркина-Фасо были размещены контртеррористические подразделения, которые успешно отразили враждебные действия против страны и помогли большому числу беженцев (33 тыс. человек бежали из Мали). При поддержке своих стратегических партнеров Буркина-Фасо удалось создать ряд специализированных подразделений в армии, жандармерии и полиции. Они повысили квалификацию в области освобождения заложников, обезвреживания взрывных устройств и проведения следственных мероприятий. Также был усилен полицейский контроль в городах

и на дорогах. В рамках привлечения населения к охране общественного порядка появились местные инициативы по обеспечению безопасности. К ним относятся, в том числе, создание местных патрульных групп. Такие группы, объединяющие людей разного возраста, помогают своевременно предупреждать службы охраны правопорядка о возможных угрозах.

Разведывательные сети эффективно защищают страну. Отлаженные сети обмена информацией помогают странам-союзникам освобождать заложников и предотвращать теракты. Примером может служить освобождение канадского дипломата Роберта Фаулера в 2008 г. и миссионера из Швеции Беатрис Стокли в 2012 г. Разведывательная сеть еще раз доказала свою эффективность на месте крушения алжирского авиалайнера на севере Мали в 2014 г. Структуру национальной разведки составляют разведывательные службы в составе армии, жандармерии и полиции. Кроме того, в 2011 г. был создан Координационный разведывательный центр национальной безопасности: его целью было объединение внутренних разведывательных структур для повышения эффективности работы Министерства безопасности. Управление внешней разведкой осуществлялось службой главы государства. Разведывательная организация в целом находилась под непосредственным контролем президентского офиса. Надзор за структуры разведки осуществлял начальник штаба вооруженных сил. Однако политическая нестабильность в Буркина-Фасо, приведшая к уходу президента Компаоре, негативно сказалась на этой системе. Чтобы ликвидировать этот пробел и централизовать разведывательные подразделения, недавно было создано Национальное разведывательное управление. Агентство стало функционировать совсем недавно, после назначения его руководителя.

Что касается законодательного и судебного уровней власти, в декабре 2015 г. был обновлен закон 2009 г. о борьбе с терроризмом с целью привести его в соответствие с растущими угрозами. Новый закон расширяет определение террористического акта, относя к ним ряд

преступных деяний, имеющих целью оказать влияние на правительство и посеять страх среди населения, а также подготовительные действия и деятельность, направленную на поддержку терроризма. Другие изменения включают увеличение сроков задержания, использование специальных следственных методов (например, надзора) и отмену временных ограничений на проведение розыскных операций для дел, связанных с терроризмом. В Уагадугу был создан специальный антитеррористический суд, однако ему еще предстоит начать свою работу. В рамках данного процесса представители судебной власти собрались в мае 2016 г. на совещание по вопросу создания специализированных антитеррористических юрисдикций. Прочие законодательные инициативы включают в себя создание в декабре 2014 г. Национального наблюдательного совета по делам религий. Этот орган, состоящий из представителей правительства и различных религий, был создан для отслеживания проповедей и продвижения межрелигиозного диалога и толерантности.

Экономика играет важнейшую роль в противодействии насильственному экстремизму. Политическое руководство страны объявило, что намеревается использовать программы содействия развитию для создания более равномерного распределения доходов. Одной из примечательных инициатив является ежегодная программа развития и инфраструктуры, проходящая 11 декабря в рамках Дня независимости. Суть этой программы, запущенной в 2008 г., заключается в том, что правительство реагирует на потребности местных сообществ. Например, правительство проводит консультации с местным населением и внедряет новый проект развития, отвечающий потребностям сообщества. Эта инициатива позволила

Солдаты изучают место теракта в отеле Splendid в г. Уагадугу (Буркина-Фасо). Январь 2016 г. Террористы Аль-Каиды захватили элитный отель и взяли заложников.

правительству развивать отдаленные города и тем самым уменьшать количество причин для недовольства на местах. На данный момент шесть городов

АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС

успешно приняли участие в программе. Среди других проектов развития — программы занятости молодежи, сельскохозяйственные проекты и программы, направленные на улучшение положения женщин.

Важнейшую роль в противодействии насильственному экстремизму играют социальные условия в стране — это нужно понимать и работать над ситуацией. Общественная обстановка в Буркина-Фасо носит мирный характер и развивается посредством социальной сплоченности и диалога. Жители страны идентифицируют себя этнически, а не через религию, расу или цвет кожи. К счастью, имеется много инструментов разрешения конфликтов между этническими группами. Помимо прочих, двумя такими инструментами являются «отношения подшучивания» и авторитет «уважаемых людей». Культура «подшучивания» дает возможность двум людям или группам людей вступать в необычайно откровенное вербальное или физическое взаимодействие. «Уважаемые люди» — это авторитетные и мудрые люди, традиционно имеющие большое общественное влияние. Оба этих инструмента можно использовать для подкрепления социальной сплоченности. Необходимо развитие образования с целью укрепления национальной идентичности «честных людей» и возвращения ее к тому состоянию, которое имело место в революционный период. Ведь само название Буркина-Фасо означает «страна честных людей».

БУДУЩЕЕ

Буркина-Фасо граничит с шестью странами, что делает сотрудничество ключевым фактором существования страны и противодействия терроризму. Сотрудничество в военной сфере и сфере безопасности уже существует, но его необходимо укреплять. Более того, к Сахельской группе пяти могут присоединиться и другие соседние страны (в том числе Сенегал и Нигерия), а вся организация может стать первой линией обороны, препятствующей распространению терроризма с севера на юг. С момента внедрения данной инициативы произошли существенные улучшения в военной сфере и в сфере безопасности. Теперь Буркина-Фасо лучше готова планировать и проводить совместные операции в зонах потенциальной угрозы, а также обмениваться информацией с другими членами Сахельской пятерки. В этой области страна создала новые сети коммуникации и восстановила прежние как на стратегическом, так и на тактическом уровне. Ежеквартальные координационные совещания, а также заседания глав штабов обороны проводятся поочередно в столицах государств. И что самое важное, теперь военнослужащие стран Сахельской пятерки проходят подготовку вместе со своими коллегами из других стран, выстраивая оперативную совместимость и доверие. Нельзя не учитывать и вклад стратегических партнеров — его тоже необходимо укреплять.

Образовательные программы должны включать программы по повышению осведомленности о насильственном экстремизме, а также развивать общечеловеческие и национальные ценности (такие как честность, борьба с коррупцией, усердная работа и толерантность).

Они также должны популяризировать историю и культуру Буркина-Фасо. Именно об этом говорил спикер парламента д-р Салифу Дьялло, открывая международную конференцию по предотвращению насильственного экстремизма, созванную Западноафриканской организацией исламской молодежи и проходившую в Уагадугу 16-18 августа 2016 г. Он отметил, что образование является ключом к решению проблемы насильственного экстремизма. Работа с семьями, и особенно с матерями, продемонстрировала свою эффективность во многих регионах; ее следует ввести и в Буркина-Фасо. Такая работа укрепляет семейные отношения и развивает чувство коллективной ответственности. Говоря кратко, нужно, чтобы матери осознали свою роль по созданию более совершенного общества, в котором экстремизм не сможет укорениться. Идеальным ведомством для управления таким проектом является департамент по защите женщин. Также нужно укреплять проекты содействия развитию. После того как нынешняя инициатива по проведению программ развития в рамках Дня независимости завершится в тринадцати региональных столицах, ее нужно расширить на отдаленные территории.

Для борьбы с терроризмом и противодействия насильственному экстремизму Буркина-Фасо необходимы не только сотрудничество и крепкая социальная сплоченность. Нужна также единая цель и всесторонний план действий. Продолжающиеся реформы сектора обороны и безопасности можно использовать для разработки и внедрения комплексного подхода по борьбе с терроризмом и противодействию насильственному экстремизму. Такая стратегия должна включать создание объединенного управления по борьбе с терроризмом, участниками которого станут специалисты по безопасности, юристы, гражданские организации, а также религиозные и традиционные лидеры. Такая организация поможет правительственным структурам и населению включиться в борьбу с терроризмом и экстремизмом. Она продемонстрирует населению важность этой борьбы и убедит граждан в том, что правительство действует и принимает меры. Эта стратегия должна быть обнародована, чтобы все граждане были включены в процесс и понимали цели и направления действий.

В заключение необходимо отметить, что, хотя Буркина-Фасо пока еще не имеет хорошо установленной комплексной стратегии по борьбе с терроризмом и противодействию насильственному экстремизму, страна все же использует ряд инструментов, доказавших свою относительную эффективность. Однако есть и области, требующие внимания. Сотрудничество имеет первостепенное значение, ведь у терроризма нет границ. Необходимо расширять программы содействия развитию, уделяя при этом больше внимания молодежи, составляющей почти половину населения страны. Для достижения долгосрочной безопасности необходимо повышать стабильность и устойчивость общества, укрепляя социальную сплоченность и национальную идентичность. Реализация этой цели будет трудной или невозможной без комплексной стратегии, осуществляемой объединенным управлением по борьбе с терроризмом. □

Обсуждая ДЖИХАД

Новаторские антитеррористические идеологические послания, разработанные курсантами армии США, могли бы помочь изменить сознание потенциальных экстремистов

Младший лейтенант Анна Джулиано, армия США

«Поговорим о джихаде» — это контрнарративная кампания, разработанная и управляемая курсантами Военной академии США (USMA), предназначенная для взаимодействия с потенциальными радикальными элементами до того, как они обратятся к терроризму. Данная кампания предлагает модель использования маркетинговых принципов социальных сетевых ресурсов в отношении контрнарративов для достижения своей целевой аудитории. Это способствует улучшению качества идеологических посланий в связи с двумя основными проблемами: объемом производства онлайн-контента террористическими организациями и трудностями, с которыми сталкиваются традиционные инициативы по контрнарративам при охвате населения, наиболее подверженного влиянию террористических сообщений.

Методы Исламского государства

Специалисты по борьбе с терроризмом знакомы с контекстом этих проблем. Исламское государство (ИГ), которое в настоящее время является наиболее активной и угрожающей террористической организацией, имеет широкий охват, подтверждаемый терактами приверженцев, совершенных от имени группы в их странах.

ИГ пропагандирует жестокие атаки в поддержку своей идеологии, подразумевая, что они осуществляются верующими во имя таких высоких истин, которые достойны самопожертвования. Однако согласно мнению осведомленных лиц, те, кто совершает нападения, зачастую слабо связаны с ИГ. Характеристики радикализованных индивидов показывают, что склонность к радикализации может быть на самом деле результатом стадного эффекта и психологических преимуществ, которые он дает.

ИГ использует сложные интернет-стратегии для распространения своих сообщений и вербовки людей. Как отметил вице-президент США Джозеф Байден в своем выступлении на церемонии вручения дипломов в USMA в 2016 г., «большим недостатком передовых технологий является то, что они дают огромную силу субъектам без гражданства». Централизованное медийное подразделение ИГ распространяет профессионально разработанный контент, который затем передается через различные каналы социальных сетевых ресурсов с помощью сети вербовщиков. В учетных записях вербовщиков в социальных сетевых ресурсах есть подуровни вербовщиков, которые передают контент собственной аудитории. Таким образом, аудитория, получающая сообщения террористов, может расти в геометрической прогрессии. Охват массовой аудитории большим объемом контента является основой стратегии ИГ по вербовке, которая представляет собой систематическое профилирование и использование уязвимых лиц, которые в конечном счете могут радикализироваться в поддержку группы.

Альтернатива экстремизму

Учитывая, что социальные сетевые ресурсы представляют собой основной инструмент вербовки для ИГ и средой для продвижения идей, они заслуживают такого же внимания при распространении контрнарративов. Конкурс «Лицом к лицу: дадим отпор экстремизму»,

проведенный Госдепартаментом США, основан на идее о том, что борьба с терроризмом должна включать производство конкурентоспособного объема информации для обмена в Интернете. Конкурс проводится под руководством департамента при поддержке со стороны других государственных учреждений и управляется частной компанией Edventure Partners, специализирующейся в области подбора университетов для партнерских проектов. Студенты университетов создают учебное маркетинговое агентство, клиентом которого является Edventure Partners. Агентство специализируется на исследовании определенной целевой аудитории, создавая план и проводя кампанию в течение семестра на основе реального бюджета в размере 2 тыс. долл. США. В повторном конкурсе «Лицом к лицу» осенью 2015 г. участвовало 45 учебных заведений по всему миру, среди них была и программа «Поговорим о джихаде». Такой уровень участия означает значительное распространение контрнарративов в Интернете. Другим важным результатом конкурса является то, что судьи, включая представителей государственных ведомств США, смогли ознакомиться с уникальными стратегиями контр-

нарративов и почерпнуть новые идеи.

Кампания «Поговорим о джихаде» показывает, что модель межведомственного взаимодействия посредством личного общения, партнерство с частными компаниями и сотрудничество с университетами могут давать реальные результаты в борьбе с терроризмом. Создавшие кампанию военные курсанты определили свою целевую аудиторию как американскую молодежь, у которых существует

ИЛЛЮСТРАЦИЯ РЕДАКТОРАМ

Ирак пытается прекратить предоставление интернет-услуг в районах, оккупированных Исламским государством, для подавления его пропагандистской машины.

опасность радикализации, которую они назвали «сидящими на заборе» (т.е. занимающими нейтральную или выжидательную позицию). Эта целевая аудитория была выбрана из-за ее недостаточного охвата в ходе большинства предыдущих кампаний по контрнарративам, которые были обращены либо непосредственно к тем, кто уже против экстремизма, либо к экстремистам с глубоко укоренившимися убеждениями. Кампания была разработана для нерадикализованной аудитории, которая наиболее уязвима для террористических сообщений, с учетом причин их возможного интереса к ИГ.

Как можно предотвратить присоединение молодежи из групп риска к ИГ? Для ответа на этот вопрос необходимо более глубокое понимание таких «сидящих на заборе». Это мусульмане и немусульмане мужского и женского пола, ищущие конкретные ответы на спорные вопросы в сложные периоды своей жизни. Одиночество, месть, депрессия и стремление к приключениям и обретению цели в жизни — это причины, по которым они могут сидеть на символическом заборе радикализации. Определяющей характеристикой «сидящих на заборе» является их поиск возможностей для общения и стремление задавать вопросы, что и делает их столь уязвимыми для внимательных вербовщиков из ИГ. Зачастую «сидящие на заборе» — это изолированные люди, которые ищут ответы на свои вопросы в Интернете. С учетом этих особенностей группа, проводящая кампанию «Поговорим о джихаде», установила четыре цели, которые гипотетически могли бы помочь предотвратить вербовку в ИГ «сидящих на заборе».

1. Создать законную возможность для находящихся в группе риска стать участником серьезных, но умеренных разговоров.
2. Воспитать интернет-сообщество, понимающее потребности индивидуумов, и ведущее обсуждения с учетом этих потребностей.
3. Создать место для анонимного обсуждения, где можно изучать интересующие вопросы, спрашивать и учиться, не раскрывая своей личности.
4. Поощрять здоровые альтернативы радикализации путем наставничества со стороны специалистов в сочетании со свободой выражения мнений.

Стратегия контрнарративов

Программа «Поговорим о джихаде» показала, что для достижения намеченных целей необходим нетрадиционный подход к маркетингу. На основе исследований группа выбрала входящий маркетинг в качестве своей стратегии для охвата «сидящих на заборе» через поисковые системы и социальные сетевые ресурсы. Входящий маркетинг — это принцип, описанный Гарвардской школой бизнеса и популяризированный маркетинговой компанией Hub Spot. В контексте контрнарративной кампании «Поговорим о джихаде» «сидящие на заборе», которых сложно идентифицировать, самостоятельно решили стать частью аудитории кампании. Это было достигнуто путем создания сообщества с некоторыми из

тех же преимуществ, которые «сидящие на заборе» могут получить при взаимодействии с ИГ, но без экстремизма.

Чтобы проиллюстрировать этот принцип, представьте себе, что молодой человек разочарован в своей жизни и хочет перемен. Он открывает Интернет и проводит время, в частности, в Фейсбуке и Твиттере. У него мало друзей в Интернете и еще меньше в его реальном окружении. Он ищет чего-то захватывающего, чтобы чувствовать себя нужным и важным. Узнав об ИГ из новостей, этот молодой человек может зайти в поисковую систему и задать в поиске вопрос «Какова жизнь в Исламском государстве?» или «Что такое джихад, и что это значит?»

В результате поиска он, вероятно, прочтет рассказы о неудачных попытках радикализации и программах,

После привлечения аудитории в социальный сетевой ресурс люди, заинтересованные в дальнейшем обсуждении насильственного экстремизма, в число которых теоретически входили «сидящие на заборе», направлялись на веб-сайт, разработанный для удовлетворения потребностей «сидящих на заборе».

противодействующих ярому экстремизму. Однако помимо сообщений антиэкстремистов, говорящих «нет» «сидящим на заборе», он не найдет большого количества антиэкстремистских сообществ, где он сможет получить ответы на свои вопросы. Кампания «Поговорим о джихаде» использует поисковую оптимизацию для успешного обеспечения сообщества ответами на его вопросы. «Поговорим о джихаде» создает страницы в социальных сетях, которые посещают практикующие ислам люди, публикуя комментарии на многих языках, включая арабский, и ведя реальные дискуссии на тему религии и джихада. Социальные сетевые страницы ведут

Кампания «Поговорим о джихаде» заняла второе место в конкурсе «Лицом к лицу: дадим отпор экстремизму», проведенном Госдепартаментом США в феврале 2016 г.

ГОСДЕПАРТАМЕНТ США

на веб-сайт, содержащий дополнительную информацию и обсуждения. Комментарии делаются анонимно, и каждый может чувствовать себя комфортно, участвуя в дискуссии. Это сообщество, в котором можно общаться без страха наказания и в котором преобладают умеренные убеждения, помогающие прийти к выводу о том, что экстремизм нежелателен по сравнению с другими интерпретациями джихада. Антитеррористические сообщения на этом веб-сайте формулируются простым языком, и пользователи не знают, что кампания проводится при поддержке правительства. Такова концепция программы «Поговорим о джихаде».

Для внедрения концепции входящего маркетинга создатели кампании должны были создать благоприятное первое впечатление у «сидящих на заборе» в социальных сетевых ресурсах. Чтобы кампания была привлекательной и заслуживающей доверия, использовалась трехкомпонентная стратегия. Первым элементом был откровенный разговор о джихаде с использованием арабского языка в диалогах для создания ощущения легитимности. Во-вторых, при использовании социальных сетевых ресурсов кампания «Поговорим о джихаде» придерживалась тактики общения с новой аудиторией, которую использует ИГ. В-третьих, контент, размещенный создателями кампании в социальных сетевых ресурсах, был интригующим и противоречивым и предназначался для стимулирования дискуссии среди

членов сообщества. Не допускался прозападный контент, который бы мгновенно отвратил «сидящих на заборе», а также риторика и выражения, выдающие связь с правительством. Например, ИГ всегда упоминалось как ИГИШ, а не ИГИЛ или ДАИШ, как называет эту организацию правительство США. В сочетании эти элементы позволили создать социальное медиапространство, где последователи были готовы взаимодействовать друг с другом и отвечать на вопросы друг друга. Менеджеры кадетской кампании были не учителями, а скорее координаторами обсуждения.

Ключ к успеху программы «Поговорим о джихаде» в социальных сетевых ресурсах заключался в размещении беспристрастных, открытых вопросов о текущих событиях и последовательном обращении к новым подписчикам из желаемой целевой аудитории с выбором времени публикации платных сообщений в Фейсбуке. Использование методов вербовки в Интернете, применяемых ИГ, также помогло увеличить охват кампании в дополнение к публикуемым сообщениям для целевой аудитории. ИГ добавляет популярные и трендовые хэштеги к своим публикуемым сообщениям. В кампании «Поговорим о джихаде» также использовались трендовые хэштеги, чтобы установить контакт с людьми, которые в противном случае были бы недоступны, и донести до них идею о том, что джихад и ислам означают гораздо больше, чем экстремизм. Моделирование подхода ИГ в кампании

Молодые люди идут под флагом Исламского государства в лагере для палестинских беженцев Айн аль-Хильва близ Сидона на юге Ливана в январе 2016 г. Экстремисты ищут молодых людей для вербовки. РЕЙТЕР

о джихаде» предоставила платформу, где участники веб-сайта могли публиковать свои вопросы и получать ответы от общественных деятелей, имамов и

беженцев, создавших свои учетные записи на веб-сайте в рамках участия в программе «Поговорим о джихаде». Процесс вербовки ИГ дает «сидящим на заборе» широкие возможности для участия в личных дискуссиях, что привлекает изолированных лиц к организации. «Говорите о джихаде» — это один из важнейших элементов кампании, поскольку он представляет собой альтернативу взаимодействию с вербовщиками, которая предоставляется «сидящим на заборе». В этом разделе веб-сайта проверенные пользователи отвечали на вопросы в сдержанной и внимательной манере. И, наконец, в разделе «Присоединяйтесь к джихаду» предлагается наиболее важная альтернатива — альтернатива радикализации. На странице «Присоединяйтесь к джихаду» пользователей поощряют творчески выражать свои взгляды, чтобы оспорить распространенное заблуждение о том, что джихад всегда означает насилие.

Стратегия привлечения «сидящих на заборе» на веб-сайт «Поговорим о джихаде» посредством входящего маркетинга в социальных сетевых ресурсах позволяет реализовать все цели кампании. Принцип «Узнавайте, говорите, присоединяйтесь» обеспечивает постоянную приоритизацию личных потребностей пользователей. Предоставление «сидящим на заборе» права автономного голоса в сообществе, где их ценят, имеет решающее значение для создания чувства приобщенности. Каждый элемент кампании разрабатывался с тем, чтобы «сидящие на заборе» не чувствовали, что их игнорируют или осуждают. Теоретически это сообщество могло бы быть самостоятельным. Те, кто получил ответы на свои вопросы у экспертов, могут сотрудничать с сообществом, отвечая на вопросы других потенциальных «сидящих на заборе».

Результаты

Как измерялся успех кампании? Кампания «Поговорим о джихаде» началась в ноябре 2015 г. и активно действовала около месяца. Аналитические данные Фейсбука,

по контрнарративам может помочь внедрить альтернативные источники, такие как «Поговорим о джихаде», в то же пространство, в котором находятся сообщения ИГ.

После привлечения аудитории в социальный сетевой ресурс люди, заинтересованные в дальнейшем обсуждении насильственного экстремизма, в число которых теоретически входили «сидящие на заборе», направлялись на веб-сайт, разработанный для удовлетворения потребностей «сидящих на заборе». ИГ учитывает потребность в информации, потребность в обществе и необходимость понимания цели. В ответ на это на веб-сайте «Поговорим о джихаде» использовался трехсторонний подход, представленный девизом: «Узнавайте, говорите, присоединяйтесь».

Страница веб-сайта кампании «Узнавайте о джихаде» стала местом, где пользователи могли получить доступ к ссылкам на статьи о текущих событиях, касающихся ИГ, Ближнего Востока и ислама. Подобранные статьи предоставляли информацию из различных источников и отражали разные точки зрения. Страница «Говорите

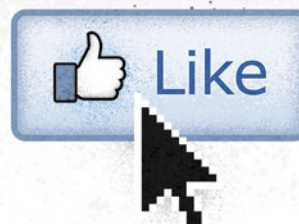
генерируемые в течение этого времени, помогли оценить эффективность кампании. Используя объявления и платные сообщения на Фейсбуке, страницы «Поговорим о джихаде» получили во время кампании более 5 тыс. лайков. Это количество само по себе не дает полного представления. Кроме того, 74 тыс. человек распространяли контент, ставя лайки, комментируя и делясь сообщениями кампании. Важно понимать, что каждый раз, когда кто-либо публиковал сообщения, они появлялись в новостях друзей. Следовательно, более 836 тыс. человек видели контент кампании «Поговорим о джихаде». Число 836 тыс. отражает глобальное сообщество мусульман и немусульман, живущих на шести континентах, которые говорят на 25 языках. Факты подтверждают гипотезу о том, что разговоры, сообщество, самостоятельность и альтернативы могут помочь предотвратить принятие экстремистских взглядов. Члены сетевых социальных ресурсов задавали серьезные вопросы, оспаривали мнения, получая здравые результаты, и благодарили руководителей кампании «Поговорим о джихаде» за возможность получить новую информацию.

В ходе кампании были определены четыре основных элемента стратегии, которые можно использовать в качестве руководства для будущих действий, связанных с контрнарративами. Во-первых, кампании по контрнарративам должны быть направлены на создание подлинных интернет-сообществ, которые будут независимо друг от друга генерировать положительные сообщения. Таким образом, умеренно настроенные пользователи могут начать противодействовать тысячам тех, кто ежедневно использует Интернет для содействия терроризму. Далее, контрнарративы должны активно привлекать общественных и религиозных лидеров в Интернете. Необходимы эксперты, которые могут лично взаимодействовать с «сидящими на заборе» и задающими вопросы в том же медиа-пространстве, в котором действуют вербовщики ИГ.

Третьим элементом стратегии является понимание того, что «сидящим на заборе» нельзя говорить, что им следует делать. Отказ от радикализации является личным выбором, который может быть сделан на основе разговоров, предоставления информации и чувства сопричастности в среде, свободной от осуждений. И, наконец, чувство сопричастности должно быть устойчивым. После привлечения внимания «сидящих на заборе» им необходимо представить ощутимую альтернативу радикализации, например, призвать к творческой интерпретации определения джихада в кампании «Поговорим о джихаде».

Перспективы на будущее

Несмотря на уверенность, с которой даются рекомендации на основе опыта создания и управления кампании «Поговорим о джихаде», во время ее проведения также возникли вопросы, оставшиеся без ответов. Один из вопросов состоит в том, привлекла ли кампания внимание «сидящих на заборе», и если привлекла, повлияла ли она на их принятие решений? Для оценки успешности

кампании «Поговорим о джихаде» использовались качественные данные и допущения, однако более передовые технологии анализа настроений могли бы стать улучшенным инструментом для понимания мнений людей в будущем. Для выявления «сидящих на заборе» можно проводить изучение сетевого взаимодействия и связей между людьми в Интернете.

Однако при использовании тех или иных методов, несомненно, возникают неопределенности, связанные с развивающимися технологиями. В основном, необходимо с юридической точки зрения решить вопросы относительно конфиденциальности данных и действий правительства. Тем не менее, остаются некоторые вопросы. Что делать, если экстремистская группировка использует веб-сайт «Поговорим о джихаде» в своих целях? Что делать, если пользователи обнаруживают, что кампания проходит при поддержке правительства? О последствиях этих событий можно только гадать, но успех кампании «Поговорим о джихаде» свидетельствует о том, что эти потенциальные проблемы могут быть решены.

Эта модель кампании дает возможность создания эффективного контрнарратива. Знание человеческой психологии и понимание причин неудачи предыдущих программ свидетельствуют о том, что вовлечение «сидящих на заборе» имеет решающее значение. Конкурсная программа «Поговорим о джихаде» также показывает возможности создания эффективных стратегий на основе сотрудничества между правительствами, университетами и частным сектором. Рассмотрение и реализация этих моделей и рекомендаций пойдут на пользу специалистам по борьбе с терроризмом при создании сбалансированного виртуального пространства, где не будет доминировать террористический нарратив. □

УГРОЗЫ

МИРУ В ИРЛАНДИИ

Белфаст, Северная Ирландия ISTOCK

В Северной Ирландии политические радикалы, связанные с криминальными структурами, могут вновь обратиться к терроризму

КАПИТАН ЧАРЛЬЗ А. АПШОУ

Почти с самого начала своей истории Ирландия страдала от кажущихся нескончаемыми конфликтов. В конце XIX — начале XX веков эта тенденция проявилась в движении за самоуправление (гомруль); позднее, в более насильственной форме, в Пасхальном восстании 1916 г.; вслед за этим — в Войне за независимость Ирландии. Именно насильственное подавление Пасхального восстания накалило обстановку, побудив республиканцев перейти от спорадических актов насилия к открытому восстанию.

Британцы, в центре внимания которых была Первая мировая война, отложили дальнейшую передачу власти и введение самоуправления, что привело к росту напряженности. Недовольство подогревалось тем, что десятки тысяч ирландцев погибли в

окопах, сражаясь в рядах британской армии. Вскоре после окончания Первой мировой войны самоуправление все-таки было достигнуто, хотя и вследствие насильственной и кровавой войны за независимость, которая велась между Ирландской республиканской армией (ИРА) и войсками британцев и лоялистов. В 1922 г. британское правительство подписало Англо-ирландский договор, закрепивший создание Ирландского Свободного государства. В то же время для шести графств Северной Ирландии, где преобладало протестантское население, договор предусматривал право остаться в составе Соединенного королевства.

Парламент Ирландии ратифицировал договор минимальным большинством голосов, однако резкие

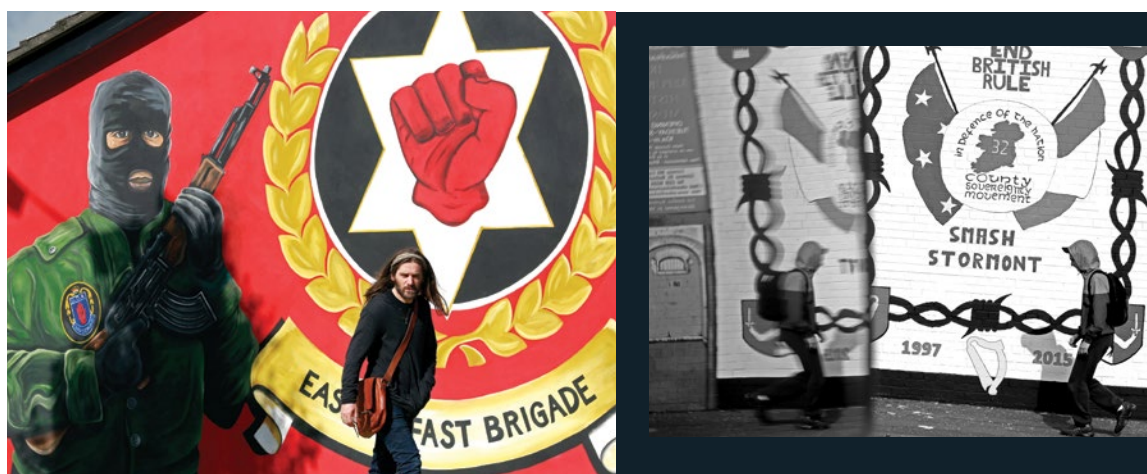
разногласия по поводу этого документа создали условия для продолжения внутреннего конфликта во вновь созданной Республике Ирландия. Политики, подписавшие Англо-ирландский договор, рассматривались более радикальными республиканцами как «предатели», отказавшиеся от борьбы за подинно свободную и независимую Ирландию. Результатом стала Гражданская война в Ирландии между сторонниками и противниками договора, представленными вновь созданными вооруженными силами Ирландского Свободного государства с одной стороны и ИРА — с другой. Война в итоге была выиграна Ирландским Свободным государством, однако стремление объединить весь остров не исчезло — особенно среди потерпевших поражение радикальных республиканцев, всегда считавших насилие приемлемым способом достижения этой цели. Как пишет Джон Моррисон в своей книге «The Origins and Rise of Dissident Irish Republicanism: The Role and Impact of Organizational Splits» («Истоки и подъем диссидентского ирландского республиканства: роль и значение организационных расколов»), политические разногласия закрепились созданием партий Фине Гэл (за договор) и Фианна Фойл (против договора). Эти две политические партии и сегодня определяют политический ландшафт Ирландии. Хотя эти исторические разногласия сохраняются, для многих жителей острова преобладающим является стремление к объединению. Как и прежде, обе стороны по-разному понимают средства достижения этой цели: с одной стороны — политическое участие в государственных институтах Северной Ирландии, с другой — беспощадная борьба. Этот резкий контраст хорошо описан в книге Фергала Кокрена «Northern Ireland: The Reluctant Pease» («Северная Ирландия: мир поневоле»):

«Одно направление стремилось и стремится к “конструктивному сотрудничеству” с Британией и пытается использовать политическую систему, чтобы изменить ситуацию.... Другое направление ирландского

национализма выбрало более радикальную стратегию: игнорировать официальную систему, которой власть имущие манипулируют в своих собственных интересах, невзирая на последствия; нарушать правила; если нужно, бороться грязными методами; создавать организационные структуры с нуля — структуры, которые со временем станут более мощными и востребованными, чем предыдущая политическая система».

Это описание двух противостоящих сторон в республиканском движении 1920-х гг. можно успешно использовать для понимания различных фракций, образующих современный политический ландшафт Северной Ирландии. Партии, отказавшиеся от использования насилия для изменения ситуации — «Шинн Фейн» (Sinn Fein) и Временная ИРА (PIRA), в настоящее время входящие в правительство — как и те, кто от него не отказался, в прошлом использовали насилие для достижения своих целей.

Насилие и кровопролитие, последовавшие за возникновением Ирландского Свободного государства, не исчезли после его победы над более радикальными республиканскими фракциями. Победа лишь создала условия для последующего продолжения конфликта в XX веке — а именно для «смуты» 1960-х и 1970-х гг. Кроме того, до этого момента правительство Северной Ирландии действовало преимущественно в интересах протестантского большинства, стремившегося остаться в составе Великобритании. Однако имевшая в результате место дискриминация католического меньшинства подорвала те самые «британские ценности», защита которых провозглашалась правительством. Эта ситуация, как пишет Кокрен, дала возможность республиканцам поставить под сомнение легитимность союза, который так энергично защищали лоялисты. Когда правительство оказалось неспособным прореагировать на эти претензии, возможность мирного урегулирования оказалась утрачена. Насилие продолжалось вплоть до

Воинственные росписи на стенах в Белфасте служат напоминанием о сектантском насилии, имевшем место в прошлом во время начала межпартийных переговоров о сохранении правительства, основанного на разделении полномочий. Сентябрь 2015 г. РЕЙТЕР

подписания Белфастского соглашения в 1998 г.

Группы, участвующие в нынешнем конфликте, разделяются по этническому и политическим критериям: это республиканцы и лоялисты. Республиканцы преимущественно являются католиками, а среди лоялистов преобладают протестанты. Внутри этих двух лагерей имеет место дальнейшее разделение по вопросу принятия Белфастского соглашения, участники которого отказались от использования насилия для достижения политических целей. Республиканские группы, которые по-прежнему используют насилие, можно назвать «использующими насилие республиканцами-диссидентами» (VDR). К главным группам VDR относятся: Преемственная Ирландская республиканская армия (CIRA); «Óglaigh na hÉireann» (ONH) или Ирландские добровольцы; Подлинная Ирландская республиканская армия (RIRA) и Республиканское действие против наркотиков (RAAD). Лоялистскую сторону представляют Ольстерские добровольческие силы (UVF) и Ассоциация обороны Ольстера (UDA). Помимо внесудебных казней, многие из этих групп используют отмывание денег, контрабанду и вымогательство для долгосрочного финансирования своего военного потенциала. В сущности именно такими методами они смогли поддерживать и наращивать свой потенциал после массовых разоружений, последовавших за Белфастским соглашением.

Важно отметить, что, по имеющимся сведениям, вооруженные формирования католиков, ранее принадлежавшие к Временной ИРА, теперь связаны с главной республиканской политической партией «Шинн Фейн». Руководство «Шинн Фейн» неоднократно отвергало такую связь, но мало кто в Северной Ирландии, Республике Ирландия и Великобритании верит этим заявлениям. Протестантская вооруженная группа UVF связана с Прогрессивной юнионистской партией (PUP), а UDA и группа «Борцы за свободу Ольстера» связаны с Ольстерской демократической партией (UDP). В отличие от «Шинн Фейн» протестантские политические партии открыто признали свою связь с этими вооруженными формированиями, пишет бывший сенатор США Джордж Митчелл в своей книге «Making Peace» («Установление мира»), где он вспоминает о своей роли в мирном процессе. На первый взгляд может показаться, что католические группы VDR в большей степени, чем их протестантские оппоненты, склонны использовать насилие для достижения своих целей. Однако важно отметить, что, хотя намерения и действия протестантских вооруженных групп носят сравнительно более мирный характер, они, тем не менее, по-прежнему сохраняют способность проводить вооруженные операции. Более того, пока действует Белфастское соглашение и сохраняется союз с Великобританией, у протестантских групп имеется намного меньше поводов для насильственных действий.

Хотя на первый взгляд Белфастское соглашение 1998 г. принесло Северной Ирландии прочный мир, заявления и действия многих групп — особенно групп, отколовшихся от ИРА — рисуют иную картину. Эти группы фактически не признают легитимность никаких мирных соглашений и основанных на них государственных структур

— следовательно, такие структуры остаются объектами атак. Подобные группы считают такие соглашения и структуры нелегитимными действиями республиканцев, направленными на объединение путем мирного участия в правительственных структурах — а именно в правительстве Северной Ирландии, которое делит полномочия между протестантскими и католическими партиями, а также в Полицейской службе Северной Ирландии (PSNI). Как пишут Джон Хорган и Джон Моррисон в статье, опубликованной в 2011 г. в журнале «Terrorism and Political Violence» («Терроризм и политическое насилие»):

«Все диссидентские группы (в том числе диссидентские группы, не использующие насильственные методы) отвергают как Белфастское, так и Сент-Эдрусское соглашения. Они также отказываются признавать PSNI легитимной полицейской службой шести графств Северной Ирландии. Провозглашаемые ими убеждения состоят в том, что никакие политические договоренности, кроме полного ухода Британии из Северной Ирландии и создания объединенной независимой Ирландии, не соответствуют преследуемым ими целям ирландского республиканства — следовательно, такие договоренности не могут служить оправданием для полного прекращения насилия».

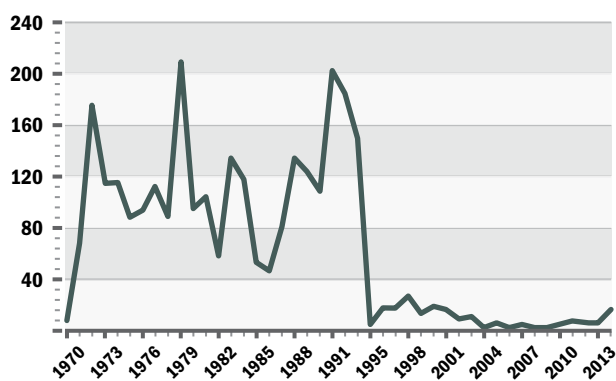
Кроме того, 100-летняя годовщина Пасхального восстания вынуждает группы VDR более активно доказывать, что они не утратили актуальности. Невозможно отрицать достигнутое после подписания Белфастского соглашения улучшение качества повседневной жизни ирландских граждан по обе стороны границы. По словам Моррисона, имеет место рост туризма, прямых иностранных инвестиций и общего доверия к государственным институтам Северной Ирландии. Это дает политическим партиям, управляющим Северной Ирландией, своего рода «мирный дивиденд», позволяя им демонстрировать подлинную ценность сотрудничества и диалога — в противоположность предшествовавшим им насилию и хаосу. Такой дивиденд подрывает легитимность групп VDR, ставя под сомнение фундаментальную ценность продолжения вооруженной борьбы. Граждане могут задаваться вопросом — есть ли смысл продолжать борьбу? Радикальные группы, связанные с VDR, — такие как «Республиканская Шинн Фейн» — политическая организация, имеющая связи с Преемственной ИРА — явно считают необходимым продолжение вооруженной борьбы. Об этом свидетельствует сделанное ими в апреле 2016 г. заявление, посвященное столетию Пасхального восстания 1916 г.:

«Для республиканцев 1916 год по-прежнему остается незавершенной задачей — до тех пор, пока не будут уничтожены последние признаки британского господства и пока древняя ирландская нация не займет причитающееся ей по праву место среди других народов земного шара... Мы торжественно заявляем о своей решимости

продолжить борьбу против британского господства. Добровольцы Преемственной ИРА будут по-прежнему по своему усмотрению наносить удары по британским оккупационным силам. Это самый достойный способ почтить память мужчин и женщин 1916 г.».

Это заявление четко демонстрирует намерения Преемственной ИРА и связанных с ней организаций — они продолжают использовать политическое насилие. При этом к «британским оккупационным силам», названным в данном заявлении, относится и правительство Северной Ирландии, в которое входят в том числе республиканцы, отказавшиеся от насилия. Очевидно, что группы VDR игнорируют тот факт, что целый ряд правительств Северной Ирландии был избран и поддерживался большинством католиков Северной Ирландии — неудобный факт с точки зрения попытки оправдать вооруженную борьбу как критерий подлинного республиканства. После подписания Белфастского соглашения стал еще очевидней резкий разрыв между теми республиканцами, которые присоединились к мирному процессу, и теми, кто его не принимает.

Ирландский республиканский терроризм 1970-2014 гг.

ИСТОЧНИК: ГЛОБАЛЬНАЯ БАЗА ДАННЫХ ПО ТЕРРОРИЗМУ, 2016 Г.

Вооруженная борьба или мирное участие в государственных структурах Северной Ирландии: вот два радикально различных метода достижения цели, предъявляемых избирателям. Кроме того, знаковые годовщины, а также сохраняющаяся относительно успешная система разделения полномочий между оппозиционными партиями усиливают давление на группы VDR: либо сложить оружие, либо активизировать свою деятельность и возобновить боевые операции.

Анализ масштаба террористической деятельности, имевшей место после Белфастского соглашения, содержит две противоположные оценки. Согласно первой, соглашение привело к миру в целом и к существенному снижению терроризма в частности. С другой стороны, есть исследования, показывающие существенный рост активности групп VDR. Первая точка зрения отчетливо отражена в информации, собранной Глобальной базой данных по терроризму, которая показывает существенное сокращение

террористической деятельности с момента начала мирных переговоров в середине 1990-х гг. Такой взгляд соответствует широко распространенному мнению, что мирный процесс в целом положительно повлиял на снижение насилия. Данные, собранные после этого резкого сокращения терроризма, показывают, что остаточная террористическая деятельность по-прежнему присутствует, но за ней стоят отколовшиеся группировки VDR, не связанные с Временной ИРА или с «Шинн Фейн». Разногласия вызывает вопрос не о том, кто стоит за нападениями, а о том, каков общий уровень террористической деятельности, который, согласно другим исследованиям, намного выше.

В противоположность этим оценкам, данные, собранные д-ром Джоном Моррисоном и д-ром Джоном Хорганом в рамках «Проекта изучения насильственного диссидентского республиканства», демонстрируют резкий рост насилия в конце 2009-2010 гг. По мнению д-ра Хоргана, информация, собранная в Глобальной базе данных по терроризму, а также информация, на которую обычно ссылаются правительства Великобритании и Северной Ирландии, является неполной и не отражает истинный размах деятельности групп VDR. Кроме того, масштаб деятельности, указанный в большинстве правительственных источников, почти на 400% ниже показателей, выявленных в ходе других исследований. Белфастская исследовательская организация Detail Data обнародовала данные, показывающие, что в период с 2006 г. по 2016 г. группы VDR совершили более 1 700 актов насилия и, по имеющейся информации, в более чем 4 тыс. случаях вынудили местных жителей покинуть свои дома.

Этот анализ также противоречит утверждениям Терезы Вильерс, Государственного секретаря Великобритании по делам Северной Ирландии. Опираясь на итоги правительственного анализа деятельности военизированных группировок, в 2015 г. она сообщила Палате общин, что, хотя ИРА и VDR по-прежнему организованы как военизированные формирования, они не представляют реальной угрозы мирному процессу и, скорее всего, не смогут восстановить потенциал, которым раньше обладали. Согласно статье, опубликованной в газете «The New York Times» в октябре 2015 г., эти выводы были сделаны на основе оценок, предоставленных MI5 (внутренней разведслужбы Великобритании), а также Джорджем Гамильтоном, главой полиции Северной Ирландии.

Виды деятельности, проанализированные в рамках «Проекта изучения воинствующего диссидентского республиканства»:

- Стрельба и нападения с целью мести
- Успешно обезвреженные бомбы
- Ложные сообщения
- Взрывы бомб
- Применение бутылок с зажигательной смесью
- Нападения
- Вооруженные беспорядки
- Поджоги
- Вооруженные ограбления

Помимо этого, как показывают высказывания членов правительства Северной Ирландии, призывы к диалогу и дискуссии с группами VDR возвышают такие группы над уровнем обычных преступников. Например, заместитель Первого министра Северной Ирландии Мартин Макгиннес, бывший член PIRA, сказал телеканалу U-TV News в апреле 2016 г.:

«Не помню, сколько раз я уже предлагал им встретиться, и до сих пор ни у кого из них не хватило мужества встретиться со мной лицом к лицу... Я готов к такому разговору; члены этих групп должны понимать, хотя бы смутно, что крайне ограниченная деятельность, которой они занимаются, совершенно бесполезна».

Деятельность насильственных диссидентских республиканцев, 1997-2010 гг.

ИСТОЧНИК: «ПРОЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ДИССИДЕНТСКОГО РЕСПУБЛИКАНСТВА», Д-Р ДЖОН МОРРИСОН И Д-Р ДЖОН ХОРГАН

Эти утверждения демонстрируют, что правительство очевидно считает такие группы террористическими, независимо от их участия в преступной деятельности. Кроме того, здесь отражено мнение правительства, что деятельность этих групп по-настоящему угрожает государственной безопасности — возможно, самой государственности, если им удастся воспрепятствовать мирному процессу и успешной системе разделения полномочий в правительстве Северной Ирландии. Угроза продолжающегося насилия со стороны групп VDR сближает два основных политических лагеря — республиканцев и лоялистов. Это, в свою очередь, подкрепляет убежденность групп VDR в том, что «Шинн Фейн» и республиканское большинство предали «истинное республиканство» и стали агентами «британской оккупации». Ситуация усложняется тем, что «Шинн Фейн» признает легитимность полицейской службы Северной Ирландии (PSNI). Это крайне важно для понимания ситуации, поскольку, согласно анализу, проведенному в рамках «Проекта изучения насильственного диссидентского республиканства», деятельность радикальных групп по существу является реакцией на действия республиканского большинства.

Чем сильнее республиканское большинство выражает приверженность мирному процессу и правительству Северной Ирландии, тем решительней группы VDR выражают свое несогласие и заявляют свои притязания на роль законных наследников Пасхального восстания. Чем больше они ощущают, что республиканское большинство не выражает их интересы, тем легче они откальваются и демонстрируют свое несогласие — как на словах, так и на деле. Это создает ситуацию, в которой республиканское большинство может оказаться позади таких более радикальных групп — подобно тому, как политические партии в любой стране уступают более консервативным или более либеральным соперникам, что вынуждает кандидатов отвечать таким соперникам либо рисковать лишиться поддержки своих сторонников. Если подобное произойдет в республиканском движении Северной Ирландии, результатом может стать не только угроза нынешнему соглашению о разделении полномочий, но и легитимация действий более радикальных групп VDR. Уже сейчас многие группы VDR и лица, разделяющие их взгляды, относятся к Мартину Макгиннесу и Джерри Адамсу с презрением, не уступающим их презрению к Дэвиду Кэмерону, бывшему премьер-министру Великобритании от консерваторов. Такой уровень недоброжелательности по отношению к двум лидерам ирландского республиканского движения является значимым фактором, который может использоваться для расширения базы поддержки групп VDR.

Хотя группы, принадлежащие к республиканскому большинству, сложили оружие и присоединились к Белфастскому соглашению, масштабная организованная преступная деятельность, судя по всему, сохраняется — как внутри этих групп, так и внутри VDR. Это главный источник финансирования операций по обе стороны границы. Согласно журналу «Forbes», в 2014 г. ИРА вошла в десятку самых богатых террористических организаций мира с ежегодным доходом в 50 млн. долл. США. Это ставит ее наравне с такими группировками, как Боко Харам, Аль-Шабаб и ИГИЛ по масштабу преступной деятельности и организации. По оценке Моррисона, некоторые группы VDR имеют операционный бюджет, превышающий 500 тыс. долл. США, а их ежегодный доход составляет более 2 млн. долл. США. Судя по имеющимся данным, их недавняя деятельность включает контрабанду, «отмывание» топлива, торговлю наркотиками, контрабанду табака и алкоголя и вооруженные ограбления. Они также по-прежнему пользуются международной финансовой поддержкой со стороны симпатизирующих им целям эмигрантских сообществ в США и других странах. По сведениям Госдепартамента США, эти группировки также имеют современное вооружение, закупленное у преступных организаций на Балканах. Такая ситуация представляет потенциальную угрозу, если какая-то из групп VDR планирует существенное увеличение своего военного потенциала с целью совершения демонстративного теракта. Моррисон указывает, что, хотя группы VDR ведут свою преступную деятельность под знаменем республиканства, это зачастую не соответствует реальности. Соперничество между вооруженными группировками и бандами уже приводило к насилию,

порождающему дальнейшие расколы и новое насилие. Более того, участие в масштабной преступной деятельности дает возможность соперничающим группам VDR порочить друг друга, объявляя лишь себя «истинными» республиканцами. Например, один из членов CIRA сказал Моррисону: «Единственное различие между Преемственной ИРА и Подлинной ИРА заключается в том, что все руководство Подлинной ИРА всю жизнь не занималось ничем, кроме контрабанды топлива и сигарет».

Эта ситуация также усиливает соперничество между республиканским большинством и группами VDR. «Шинн Фейн» воспользовалась возможностью подчеркнуть различия между собой и VDR. Мартин Макгиннес, бывший лидер PIRA, а теперь заместитель Первого министра Северной Ирландии, сказал в своей речи 2013 г. на съезде партии «Шинн Фейн»: «Каковы бы ни были особенности подобных групп, очевидно, что в настоящее время их ряды полны жестоких преступных элементов, входящих в организацию, охватывающую весь остров». Кроме того, в Ирландии отмечен рост числа криминальных групп гражданской самообороны — таких, как Республиканское действие против наркотиков (RAAD), группа из Дерри, утверждающая, что она борется с торговцами наркотиками в преимущественно республиканских районах. В своей борьбе против торговцев наркотиками группа применяет методы, сходные с методами вооруженных группировок периода «смуты»: простреливание коленных чашечек, изгнания, убийства и забрасывание самодельными взрывными устройствами домов подозреваемых в торговле наркотиками. Все это делает RAAD наиболее последовательной в применении насилия группировкой среди VDR — что, по словам Моррисона, позволяет ей подрывать авторитет PSNI как структуры, защищающей население, и перетягивать на себя ее функции.

В год столетия Пасхального восстания имело место направленное усилие по объединению группировок VDR в единое республиканское движение, не связанное с республиканским большинством, соблюдающим Белфастское соглашение. Намерением движения является концентрация усилий разрозненных групп на общей цели: продолжение вооруженной борьбы против республиканского большинства и против Великобритании. В 2012 г. эти группы объединились в единый «Военный совет», утверждающий, что он выступает от имени объединенного фронта. Намерения Совета откровенно выражены в его декларации:

«После продолжительных консультаций ирландские республиканцы и ряд организаций, занятых вооруженными действиями против вооруженных сил британской короны, объединились в централизованную структуру под единым руководством, подчиняющуюся конституции Ирландской республиканской армии. Руководство Ирландской республиканской армии сохраняет приверженность полной реализации идеалов и принципов, увековеченных в Прокламации 1916 г. В последние годы процесс создания свободной и независимой Ирландии потерпел ряд неудач, в силу несостоятельности лидеров ирландского национализма и раскола в республиканском

движении. Основной причиной конфликта в нашей стране является подрыв неотъемлемого права нашей нации на самоопределение. Эта проблема до сих пор не решена. Вместо этого ирландскому народу был обманом предложен фальшивый мир, скрепленный подобием законодательства в Стормонте. Республиканцы-нонконформисты подвергаются притеснениям, арестам и насилию со стороны служб британской короны; некоторые были интернированы по распоряжению британских властей. Британия, а не ИРА выбрала путь провокаций и конфликта. Право ИРА вести вооруженную борьбу проистекает из отказа Британии предоставить ирландскому народу фундаментальное право на национальное самоопределение и суверенитет. До тех пор пока Британия продолжает упорствовать в своем отказе признать национальные и демократические права Ирландии, ИРА будет бороться за эти права. Вооруженная борьба за свободу Ирландии утратит свою необходимость при условии вывода британского военного присутствия, роспуска британских формирований народного ополчения и объявления контролируемых международным сообществом сроков, в которые британское политическое вмешательство в дела нашей страны будет прекращено».

Это заявление очень важно, поскольку оно свидетельствует о целенаправленных усилиях по объединению различных групп в единую структуру, способную применять насилие во имя республиканских принципов. Такое объединение не только дало бы группам VDR возможность объединить свои ресурсы — оно также способствовало бы снижению межгруппового соперничества и насилия, которые раздирали многие группы в последние годы.

Ситуация в Северной Ирландии остается сложной; по-прежнему сохраняется возможность возобновления насилия. Чем успешней оказывается соглашение о разделении полномочий между республиканским большинством и лоялистами, тем сильнее стимул для групп VDR дестабилизировать ситуацию — ведь только действия оправдывают их существование.

Взаимопроникновение групп VDR и криминальных организаций дает этим группам более широкий доступ к летальному оружию и оборудованию, позволяя им наращивать свои возможности по осуществлению крупномасштабных атак. Хотя последний раз такая угроза стала реальностью во время взрыва в г. Омаг в 1998 г., способность и намерение сохраняются, и к ним нужно относиться серьезно. Кроме того, более мелкие группы VDR объединили свои командные структуры в единый «Военный совет» с намерением объединить ресурсы. Такое развитие ситуации может оказаться опасным, если за словами последуют действия. Хотя различия в оценке общего размаха деятельности этих групп затрудняют определение точного уровня террористической угрозы в Северной Ирландии, заявления групп VDR, а также сохраняющийся у них военный потенциал и возможность приобретать оружие и материалы делают рост терроризма в будущем более чем вероятным. □

Люди различного этнического происхождения отдают дань уважения французскому священнику, убитому террористами, связанными с Исламским государством, в июле 2016 г. Одним из способов борьбы с экстремистскими идеологическими посланиями является снижение внимания к религиозному конфликту в средствах массовой информации. РЕЙТЕР

Борьба против Исламского государства

Для победы над этой глобальной
угрозой потребуются точно выверенная
информационная кампания

Брайант Ву

Несмотря на то, что Исламское государство (ИГ) стало известно широкой общественности относительно недавно, его история и происхождение прослеживаются со времени вторжения США в Ирак в 2003 г. Вакуум власти, образовавшийся после падения режима Саддама Хусейна, привел к борьбе за власть, которая переросла из гражданской войны в повстанческое движение. К 2004 г. в результате войны в Ираке появилась дочерняя организация Аль-Каиды, называющая себя Аль-Каидой в Ираке (АКИ), которой руководил Абу Мусаб аль-Заркави. АКИ быстро приобрела известность из-за своих агрессивных действий и страшной жестокости, вынудивших коалиционные силы в Ираке выделять огромные ресурсы для преследования ее лидера и вдохновителя. В 2006 г. аль-Заркави был убит во время авиаудара США, и вскоре западные средства массовой информации перестали говорить об АКИ.

Однако АКИ не погибла вместе со своим лидером; она трансформировалась в Исламское государство Ирака, а затем в Исламское государство Ирака и Леванта. К 2014 г. эта организация вновь была переименована, и теперь она называется просто Исламское государство (ИГ). Под этим названием она вновь привлекла к себе внимание всего мира агрессивной и жестокой кампанией, в результате которой она захватила крупные территории Ирака и Сирии.

В дополнение к реальной военной кампании ИГ начало такую же агрессивную информационную кампанию через социальные СМИ в Интернете. YouTube, Фейсбук и Твиттер используются для распространения пропаганды, поиска сочувствующих лиц и вербовки

боевиков. Очевидно, что эффективность информационных операций удивила американское и европейское правительства, и они приложили все усилия для понимания и сдерживания ИГ в виртуальном мире. В этой методологии нет ничего нового — Аль-Каида также использовала Интернет для распространения своей информации. Так почему же ИГ действует более эффективно?

Часть проблемы относится к доктрине. Правительства и СМИ неправильно идентифицировали и обозначили ИГ, что привело к основополагающему упущению в действиях Запада против группы. Другим аспектом была информационная среда, которая существенно изменилась за предыдущее десятилетие и создала благоприятные условия для подстрекательской антиисламской риторики. Вместе с демократическими принципами свободы слова она привела к возникновению плодородной и открытой среды для информационных операций ИГ. Однако похоже, что в 2016 г. позиции ИГ пошатнулись как в физическом, так и в виртуальном мире. В этой статье рассматриваются возможные причины предыдущего успеха информационных операций ИГ и его очевидное недавнее снижение.

Оценка ИГ

Во-первых, давайте кратко рассмотрим определение ИГ и его влияние на методы борьбы с ним. В официальных заявлениях правительства и в основных и альтернативных средствах массовой информации ИГ называли и до сих пор называют террористической организацией. К сожалению, этот термин в отношении ИГ является юридически и доктринально неточным. Более точным

и уместным определением ИГ было бы повстанческое движение. Вопрос об отличиях терроризма от повстанческих движений изучался, однако отсутствие консенсуса в отношении определения терроризма затрудняет ответ на него. Для целей этого обсуждения мы будем использовать несколько определений, данных США и международным сообществом. Кодекс законов США (далее — «Кодекс США») определяет терроризм как «деятельность, которая (А) включает насильственные действия или действия, опасные для человеческой жизни, представляющие собой нарушение уголовного законодательства США или любого штата» и «по всей видимости, предназначены (i) для запугивания или принуждения гражданского населения; (ii) влияния на политику правительства путем запугивания или принуждения; или (iii) влияния на действия правительства путем массового уничтожения, убийств или похищений людей». Министерство обороны США определяет терроризм как «незаконное применение насилия или угрозы применения насилия, часто основанные на религиозных, политических или других идеологических убеждениях, чтобы посеять страх и оказать давление на правительства или общества для достижения, как правило, политических целей», а НАТО определяет терроризм как «незаконное применение силы или насилия в отношении отдельных лиц или имущества в попытке принудить или запугать правительства или общества для достижения политических, религиозных или идеологических целей».

В Кодексе США отсутствует какое-либо определение повстанческого движения; наиболее близким содержанием в нем определением является подрывная деятельность. Министерство обороны и правительство США в целом определяют повстанческое движение как «организованное применение диверсионных действий и насилия для захвата, уничтожения или смены политического контроля в регионе». НАТО определяет повстанческое движение как «действия организованной, часто идеологически мотивированной группы или движения, которое стремится осуществить или предотвратить политические изменения руководящего органа в регионе, направленные на убеждение или принуждение населения путем применения насилия и подрывной деятельности».

В рамках этих определений можно выделить три различия между терроризмом и повстанческим движением: масштаб намерений, роль насилия и отношения с населением. Что касается первого пункта — масштаба намерений, терроризм направлен просто на принуждение и влияние на поведение, в то время как повстанческое движение стремится к политическому контролю путем смены существующего правительства таким образом, который обычно называется сменой режима. В 2007 г. эти выводы были включены в учебное пособие Военной академии США, согласно которым «каждая из пяти целей повстанческого движения — насильственной группы определенного движения сопротивления

— направлена на атаку режимов. Для сравнения, цели террористов не связаны конкретно с правительствами, а направлены на более широкие идеологические намерения. Кроме того, у террористов может даже отсутствовать необходимость действовать против правительства. Вместо этого они могут избрать нападение непосредственно на общество для достижения конкретных конечных целей. Следовательно, по определению террористы не связаны с изменением режима, перераспределением власти или сменой общественного порядка». Таким образом, в то время как терроризм и повстанческое движение носят по своей сути политический характер, терроризм носит более ограниченный характер.

В рамках этих определений терроризма и повстанческого движения также наблюдается разница в роли насилия. У терроризма насилие является основным инструментом, используемым для внушения страха и оказания давления на правительство. Повстанческое движение, однако, сочетает в себе насилие — терроризм или вооруженное восстание в зависимости от фазы повстанческого движения — и подрывную деятельность, которая в кембриджском словаре определяется как «действия, направленные на уничтожение или нанесение ущерба существующей системе или правительству». Терроризм является лишь одним из нескольких методов повстанцев, поэтому определение ИГ как террористической организации предполагает, что оно не использует никаких других методов для достижения желаемого конечного результата, однако в широкой информационной кампании явно используются приемы борьбы с врагами ИГ при помощи пропаганды и вербовки среди населения их стран.

Это приводит к вопросу об отношениях организации с населением в целом. Рассматривая приведенные выше определения, можно заключить, что они подразумевают очень разные отношения. Определение терроризма предполагает враждебные отношения с населением в целом и использование насилия «в отношении лиц или имущества в попытке принудить или запугать правительства или общества». Определение повстанческого движения, однако, подразумевает различные отношения, поскольку оно направлено на «убеждение или принуждение населения». Поскольку повстанческое движение в конечном счете стремится к управлению, оно должно установить некоторую степень политической легитимности и, следовательно, не может полагаться на насилие для изменения общественного мнения. Несмотря на то, что тактика террора является наиболее заметным аспектом деятельности ИГ, нельзя игнорировать тот факт, что они также создали режим управления и сумели привлечь сторонников и сочувствующих благодаря пропаганде религиозных ценностей.

Определение борьбы

На основании результатов изучения деятельности ИГ в соответствии с этими определениями представляется очевидным, что это не просто террористическая

Исламское государство использует социальные СМИ для распространения вредоносных идеологических посланий. ИЛЛЮСТРАЦИЯ PER CONCORDIAM

организация, а исламистское повстанческое движение в транснациональном масштабе. Но разве это важно? Не является ли это различие только вопросом терминологии и доктринальной казуистики?

Различие между террористической организацией и повстанческим движением имеет значение, поскольку от него зависят методы борьбы. Рассматривая намерения и методы террористов, мы видим, что их отношения с населением в целом по существу враждебны. Террористы используют население в качестве рычага давления на правительство в попытке навязать ему свою волю. Поэтому у террористов, помимо определенного меньшинства, нет ни необходимости, ни желания получить поддержку населения. Для контртеррористической деятельности это означает, что достаточно атаковать террористическую организацию с использованием военной или полувоенной силы, поскольку предполагается, что население в целом поддерживает правительство и, следовательно, допускает возможность сопутствующего ущерба (непреднамеренные потери и повреждение или уничтожение частной собственности). В доктринальных терминах основой террористической организации является ее боевой потенциал; атака и уничтожение этого потенциала приводит к потере эффективности террористической организации.

Однако в случае повстанческого движения основой является население. Как уже отмечалось ранее, поскольку, в конечном счете, повстанческое движение стремится к управлению, оно должно заручиться согласием населения в целом; в противном случае новый режим может в конечном итоге столкнуться с новым повстанческим движением. Из этого следует, что в то время как повстанцы могут использовать терроризм, чтобы принудить население, он не может быть единственным инструментом, используемым повстанческим движением. В какой-то момент повстанческое движение

должно убедить население, что они предлагают лучший вариант, чем существующее правительство, что означает менее враждебные отношения с населением. Другими словами, повстанец должен провести кампанию в «сердцах и умах», чтобы вызвать симпатию и установить легитимность.

Это различие в отношениях с населением в целом означает, что те, кто противодействует повстанческим движениям, сталкиваются с гораздо более сложным набором проблем; силы, противодействующие повстанческим движениям, должны нейтрализовать боеспособность сил повстанческого движения при сохранении поддержки со стороны населения, которое может быть настроено двояко или даже враждебно по отношению к правительству. Поэтому те, кто борются с повстанческими движениями, не могут просто полагаться на применение смертоносных средств для уничтожения боеспособности повстанцев; они должны использовать информацию и влиять на операции для того, чтобы подорвать легитимность повстанческого движения и его идей.

Даже в случае применения смертоносных средств борьба должна идти без ущерба для легитимности правительства или, по крайней мере, восприятия легитимности. Коротко говоря, и повстанцы, и те, кто им противодействует, борются за сердца и умы населения в целом, и для этого обе стороны должны использовать информацию для оказания влияния и убеждения, а не полагаться на смертоносные военные методы для простого принуждения или уничтожения.

Роль социальных СМИ

Определяя ИГ в качестве террористической организации, Запад опирался на военную силу для победы, практически не проводя информационные операции. Это позволило ИГ перехватить инициативу и контролировать идейное содержание в информационной войне, и в конечном счете именно информационная война породила явление, вызвавшее значительное беспокорство на Западе — вступление молодых мужчин и женщин, родившихся и выросших в Северной Америке и Западной Европе, в ряды ИГ. Аль-Каиде и Талибану также удавалось вербовать западное население, но в основном это были выходцы из Европы, и лишь малая часть была родом из Северной Америки, а сообщаемое количество завербованных было ниже, чем у ИГ. Так почему же ИГ смогло добиться большего успеха практически теми же методами?

Один из наиболее простых ответов — это технологии. Когда в 2001 г. Аль-Каида впервые заявила о своем существовании, социальные СМИ все еще находились в стадии становления. Для распространения своих сообщений Аль-Каида должна была полагаться на веб-сайт, который представлял собой, по существу, централизованную систему. В середине 2000-х гг. появились три социальных медиаплатформы, изменившие динамику распространения информации — Фейсбук в 2004 г., а также Твиттер и YouTube в 2006 г. Поскольку эти платформы завоевали

огромную популярность, они открыли новые возможности для информационных операций.

Во-первых, производители информации больше не зависели от централизованной системы распространения информации через веб-сайт. Теперь в дополнение к основному средству производителей информации, будь то веб-сайт или учетная запись в социальных сетях, они могли использовать армию посредников для распространения информации. Каждый сотрудник, сочувствующий и представитель мог стать центром распространения для производителя. Это также означало, что производителям больше не приходилось завлекать потребителей информации на свой веб-сайт; каждый центр в сети распространения активно передавал сообщения другим членам своей подсети. Поэтому когда ИГ снова возникло в 2013 г., у него были социальные СМИ, отсутствовавшие у Аль-Каиды в 2001 г., которые позволили значительно расширить охват и постоянно транслировать информацию. Наконец, технологии означают, что ИГ могло не забрасывать сети вслепую для поиска новобранцев — вербовщики ИГ могли искать потенциальных членов в Фейсбук и Твиттер среди лиц, которых они считали уязвимыми.

Эволюция социальных СМИ также помогла ИГ проводить информационные операции, изменяя тон информационной среды. В целом, Интернет способствовал радикализации информационной среды путем демократизации распространения политических и социальных идей. До появления Интернета векторы распространения идей ограничивались радио, телевидением и печатными средствами массовой информации. Все это требовало значительного капитала, поэтому средства распространения информации в значительной степени контролировались основными информационными организациями, которые были обоснованно ограничены профессиональными стандартами и этическими нормами. Это означало, что перед тем как дойти до общественности, информация проходила через профессиональный фильтр для удаления неточной информации и недопустимых идей, что оказывало смягчающее воздействие на информационную среду. Однако Интернет позволяет распространять любые идеи практически без денежных затрат. В США стоимость доменного имени и веб-сайта меньше, чем чек из фаст-фуда, а учетные записи в социальных сетях бесплатны. Вероятно, наиболее существенным расходом становится доступ к Интернету, но даже это мизер по сравнению с капитальными затратами традиционных средств массовой информации. В результате получили распространение СМИ, называемые «новыми медиа» или «альтернативными средствами массовой информации». Зачастую не ограниченные профессиональными или этическими стандартами, эти СМИ работают для определенной аудитории, искажая информацию или манипулируя ею для поддержки конкретных политических целей. Другими словами, в Интернете можно говорить практически все и можно не только найти тех, кто будет

верить, но и избежать практически любых последствий за распространение дезинформации.

Эта медийная революция в значительной степени способствовала возникновению в США информационной среды, критически настроенной по отношению к исламу. В 2001 г. информационная среда в США была довольно благоприятной по отношению к исламу. Несмотря на то, что ислам является одной из трех крупнейших мировых религий, о нем было мало известно американской общественности, и то только из-за продолжающегося конфликта между Израилем и палестинцами, а также в связи с отношениями между США и Ираном. Атаки 11 сентября вызвали сдвиг в общественном восприятии и мнении об исламе, а к 2013 г., после более чем десяти лет боевых действий в Ираке и Афганистане, во время которых были убиты и ранены тысячи американцев, информационная среда стала стабильно враждебной по отношению к исламу. Эта враждебность нашла свое место в социальных СМИ. Фейсбук, YouTube и Твиттер стали платформами для антиисламской риторики, и в то время как вещательные СМИ были заполнены негативной, а иногда и разжигающей вражду информацией об исламе, они были относительно сдержанными по сравнению с бурлящим котлом социальных СМИ. Не ограниченные профессиональными или этическими стандартами социальные СМИ стали средоточием враждебности, ненависти и сарказма. Содержание сообщений в основном не имеет значения; главное — это ощущение почти неумолимой враждебности по отношению к исламу.

Такое восприятие почти наверняка способствовало возникновению благоприятных условий для пополнения рядов ИГ, особенно среди молодых мусульман. Согласно работе Эфраима Бенмелеха и Эстебана Клора под названием «Чем объясняется приток иностранных боевиков в ИГИЛ?», опубликованной в 2016 г. Национальным бюро экономических исследований (Кембридж, Массачусетс) бедность не является движущей силой для присоединения к ИГ. В аннотации исследователи указали, что «наши результаты свидетельствуют о том, что приток иностранных боевиков в ИГИЛ обусловлен не экономическими или политическими причинами, а идеологией и трудностями ассимиляции в однородных западных странах», что поддерживает мнение о том, что успех ИГ — это не просто результат его собственных информационных операций, а совокупный результат его информационных операций, дополненных информационной средой, враждебно настроенной по отношению к исламу и мусульманским группам населения.

Поддержка ИГ снижается?

Однако в 2016 г. вербовочная машина ИГ дает сбой. На брифинге в Министерстве обороны США, состоявшемся 26 апреля, генерал-майор Питер Герстен, заместитель командира по операциям и разведке для коалиции, борющейся с ИГ, заявил, что количество иностранных боевиков, вступающих в ИГ, снизилось примерно до 200 в месяц по сравнению с более чем 1 500 год назад. За

неделю до этого Джеймс Коми, директор Федерального бюро расследований, заявил, что в течение девяти месяцев количество людей, пытающихся покинуть США, чтобы присоединиться к ИГ, снизилось.

Однако другие должностные лица и эксперты отметили, что потеря ИГ захваченных территорий не отражает всей ситуации в целом. Д-р Джонатан Шанцер, вице-президент по исследованиям в Фонде защиты демократий, отметил, что «можно победить ИГИЛ на контролируемых им территориях, но невозможно победить ИГИЛ как явление. Идеология джихадизма продолжает развиваться и существовать».

Спланированные и скоординированные нападения во Франции и Бельгии, и совсем недавно в Турции, Ираке, Бангладеш и Саудовской Аравии — это напоминание о том, что ИГ не сломлено неудачами на своей территории. Мнение д-ра Шанцера было поддержано на брифинге в Конгрессе 12 апреля, когда заместитель госсекретаря США Энтони Блинкен заявил, что «для полной эффективности мы должны принимать меры для предотвращения распространения насильственного экстремизма, в первую очередь, прекращения вербовки, радикализации и мобилизации людей, особенно молодежи, для участия в террористической деятельности». С этой точки зрения недостаточно физического уничтожения ИГ и его боевого потенциала — Запад также должен победить идеологию и предотвратить ее проникновение в сердца и умы молодых людей по всему миру.

Будущие действия

Для завоевания сердец и умов информационная кампания должна проводиться на двух фронтах. Во-первых, США и их союзники должны разработать стратегическое послание, которое станет значимой альтернативой джихадистской риторике ИГ. Оно потребует тонкого баланса, поскольку такое стратегическое послание должно быть не только привлекательным для мусульман, но и не должно вызывать отторжения у других слоев населения. Это может быть проблематично, поскольку в США проживает значительное количество христиан-протестантов, многие из которых негативно относятся к исламу, а в некоторых европейских странах существуют социальные и культурные структуры, создающие напряженность в отношениях с мусульманскими меньшинствами. Проблема усложняется еще и тем, что информационная кампания не может полагаться на разум и логику; она должна также учитывать то, что молодые люди более восприимчивы к обращениям, затрагивающим их эмоции и ценности, а не логику и здравый смысл, и что ненависть и месть может быть более мощным мотивирующим фактором, чем сострадание, терпение и компромисс. Наконец, стратегическое послание должно быть поддержано на местном уровне соответствующими центрами влияния, такими как представители и организации поп-культуры, и оно должно распространяться через различные платформы с особым акцентом на информационные источники, привлекающие молодежь.

Однако иногда не сказанное так же важно, как сказанное. Это означает, что эффективная информационная кампания должна найти способ прекращения провокационных и подстрекательских нападок на ислам. Такая кампания в максимально возможной степени будет реагировать на любое событие или публикацию, которые издеваются или высмеивают ислам и его символы, особенно Мухаммеда и Коран. Любое такое ограничение может быть проблематичным, поскольку западные демократии ценят принцип свободы слова, и любая попытка обуздать антиисламскую риторику обязательно будет рассматриваться как нарушение этого принципа и, по крайней мере, в США будет восприниматься как капитуляция в пользу политической корректности. Более того, изменения в американской политике, свидетельством которых стало избрание Дональда Трампа, могут стимулировать антииммигрантские, антимусульманские и расистские настроения в США и Европе, оставляя сдержанности менее значительную роль.

Однако в США существуют юридические прецеденты, которые поддерживают попытки ограничить разжигание ненависти, хотя, как правило, речь идет о расовых, а не религиозных признаках. Можно также отметить, что в статье III раздела 3 Конституции США рассматриваются изменнические действия, «способствующие усилиям противника по вербовке», но даже если бы правительство США осмелилось применить положение о государственной измене, политические оппоненты, безусловно, оспорили бы связь между антиисламской риторикой и вербовкой в ИГ. В конце концов, мы должны найти способ снижения чувства социальной и культурной изоляции, способствующего возникновению негативного посыла, из-за которого ИГ становится привлекательным для молодых людей; в противном случае любые позитивные стратегические послания могут оказаться бесполезными.

В конце концов, если США и Европа надеются победить, они должны отказаться от политически выгодного рассмотрения ИГ как террористической организации и принять тот факт, что они борются с исламским повстанческим движением, которое привлекает и вербует сторонников по всему миру. Они должны также признать, что военная сила сама по себе недостаточна, и для победы над ИГ необходимо привлечь основные слои населения путем идеологических посланий и политики, логически и эмоционально убеждающей в том, что в их же собственных интересах они не должны поддерживать религиозных экстремистов, которые хотят погрузить исламский мир обратно в средневековье. И, наконец, они должны признать ту роль, которую играет свобода слова в демократических странах для создания условий, способствующих вербовке и информационным кампаниям ИГ.

Несмотря на всю свою сложность и необходимость тщательной и терпеливой проработки, эти принципы дают надежду на победу над ИГ и снижение вероятности долгосрочного кровопролития, которое может привести к серьезным и непредвиденным потерям для наших обществ. □

Информационные
ОПЕРАЦИИ в

АФРИКЕ

Силы Африканского
союза должны исполь-
зовать контрнарративы
для разоблачения
ложных нарративов
террористов

ПОДПОЛКОВНИК ДЕО АКИИКИ, Вооруженные силы Уганды

ФОТОГРАФИИ AFP/GETTY IMAGES

В качестве военного офицера, прослужившего значительное время в области связи и управления информацией и операциями в Уганде и Сомали, где Африканский союз (АС) в течение почти 10 лет боролся с движением Аль-Шабаб, я видел, какие огромные усилия моя страна и АС прилагали для борьбы с терроризмом. Я хочу подчеркнуть растущее во всем мире осознание того, что информационные операции и контрнарративы имеют приоритетное значение в качестве единственного оставшегося мощного оружия в борьбе с угрозой терроризма.

Восточноафриканский регион уже достаточно давно является горячей точкой, где ведется террористическая деятельность. В число террористических групп в регионе входят Аль-Каида, Аль-Шабаб, Объединенный демократический фронт, Господня армия сопротивления, Аль-Иттихад аль-Исламия и Аль-Мухажирун. Все эти группы в своей борьбе используют нарративы. Эти нарративы предназначены для граждан стран Восточной Африки, для восточноафриканской диаспоры, собственных сил террористов и отдельных боевиков-террористов.

Очевидно, что все террористы слабые, в то время как мы и другие силы коалиции — сильны в военном отношении. Поэтому нам необходимо определить, где террористы черпают свои силы. Это можно понять, ответив на вопрос о том, какими способами и когда они взаимодействуют со своей целевой аудиторией и каково содержание их сообщений. По всему миру есть несколько примеров того, как террористы из Аль-Каиды, ИГИЛ и Аль-Шабаб в Сомали вербовали и обучали своих бойцов просто посредством информационных операций. В Бараве (Сомали) террорист американского происхождения признался, что его завербовали через Интернет. Кроме того, в течение последних 10 лет захваченные члены Аль-Шабаб признавали, что находились под влиянием нарративов Аль-Шабаб, и у них не было никакой альтернативной информации, на которую они могли бы положиться. Такая ситуация могла сложиться и в Афганистане, Сирии, Турции и других областях, где укоренился терроризм.

Сегодня терроризм в значительной степени влияет на умы, отношение и поведение населения в мире, независимо от того, являются ли они союзниками, врагами или занимают нейтральную позицию. Это, в конечном счете, определило исход конфликтов и привело к высокому уровню терроризма, джихадизма и экстремизма. Именно поэтому необходимо либо

улучшить методы борьбы, либо как можно скорее изменить отношение и поведение целевых аудиторий террористов.

Мир должен признать, что террористы успешно выполняют свои задачи в течение длительного времени. Настало время серьезно пересмотреть информационную войну. Например, сомалийский конфликт — это борьба за умы, которая важна не менее военных сражений и направлена на изменение отношения и поведения сомалийских граждан. Большинство террористических актов совершаются на этой основе. Движение Аль-Шабаб сформировало среду, допускающую террористическую деятельность в Сомали.

Для борьбы с этим явлением Миссия Африканского союза в Сомали (АМИСОМ) должна не только атаковать и уничтожать руководителей и потенциал Аль-Шабаб, но и делегитимировать и разрушать привлекательность идеологии Аль-Шабаб, а также менять благоприятные для террористов условия, которые они используют для распространения экстремистской идеологии для получения поддержки и вербовки новобранцев.

Студенты УниверситетаMakerере в Кампале (Уганда) во время бдения в апреле 2015 г. в связи с гибелью 148 человек от рук террористов Аль-Шабаб.

Для того, чтобы АМИСОМ и сомалийская армия продолжала осуществлять текущие операции по принуждению к миру в Сомали, необходимо изменить восприятие и повлиять на волю участников, убедив их принять желаемый результат. Кампании по контрнарративам, предназначенные для передачи посланий целевым аудиториям и продвижения конкретных тем, которые приведут к желаемому отношению и

поведению, должны пройти долгий путь в борьбе с терроризмом в этом регионе и в мире в целом.

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Террористические нарративы могут казаться неправдоподобными, но поскольку они разработаны специально для людей, имеющих крайне ограниченный доступ к альтернативной информации, им верят. Давайте рассмотрим некоторые ложные идеи, которые они распространяют:

- **Необходимость обратить вспять маргинализацию мусульман.** Террористические группы приложили значительные усилия для распространения среди мусульманской общины идеи о том, что ее члены маргинализированы центральным правительством. В каждом действии правительства должен учитываться в первую очередь ислам, или иначе оно ничего не стоит.
- **Необходимость образования исламского государства. Они продолжают верить своих приверженцев в победу и небесных наградах.** Они говорят, что этого можно достичь только в результате создания регионального исламского государства, которое будет чистым и свободным от гуманистических идей.
- **Необходимость противодействия «дьявольскому влиянию» Запада.** Террористы говорят, что западные державы являются эксплуататорами и манипуляторами; таким образом, боевики должны бороться за суверенитет своих государств.

ЦЕЛИ ТЕРРОРИСТОВ В СОМАЛИ

На протяжении многих лет наводящие ужас террористы из Аль-Шабаб определяли аудиторию в Сомали для своих продуманных идеологических посланий. Они вели свою деятельность в режиме реального времени и публиковали или передавали информацию своей целевой аудитории, используя нарративы как оружие. В основном они были нацелены на Сомали, Восточноафриканский регион и диаспору.

Их усилия главным образом были направлены против так называемых неверных, которыми в данном случае были войска АС из немусульманских стран. Использовались формулировки, изображающие религиозную борьбу, своего рода законный джихад. Они отвлекают внимание аудитории от своих отвратительных

деяний и концентрируют его на сторонах, которые ее привлекают. Для успешного разрушения таких нарративов необходимы невоенные усилия, несмотря на то, что Аль-Шабаб создавал их в течение долгого времени. Для ослабления идеологических посылок террористов контрнарративы должны быть тщательно составлены и их необходимо распространять в том же или большем объеме, чем террористические нарративы.

Движению Аль-Шабаб в значительной степени удалось изобразить АМИСОМ оккупантами. Ни одна страна или отдельные граждане не будут чувствовать себя комфортно в присутствии оккупационных войск на своей территории. Оккупированные страны принесли огромные жертвы, чтобы извлечь свою землю от иностранных сил. Такое утверждение с готовностью было воспринято аудиторией движения Аль-Шабаб и действительно нанесло ущерб легитимности сил АМИСОМ в сознании сомалийского народа и диаспоры.

Религия широко используется в качестве инструмента пропаганды не только Аль-Шабаб, но и террористами по всему миру. Террористическая пропаганда утверждает, что глобальная борьба с терроризмом призвана уничтожить ислам. Этот нарратив становится более выраженным при совершении террористами серьезных действий, противоречащих исламу. Они пытаются прикрыть такие порочащие ислам действия, чтобы аудитория их не отвергла.

Нарративы, направленные на вербовку местных и иностранных боевиков, особенно с использованием онлайн-платформ, являются нормой и

Лидер Объединенного демократического фронта Джамиль Мукулу привлечен к суду в июле 2015 г. в Джиндже за преступления, включая терроризм и убийства. Уганда связывает группу повстанцев с Аль-Шабабом и Аль-Каидой.

представляют собой самый простой способ привлечения потенциальных боевиков. Сегодня у молодых людей есть доступ к Интернету, и они являются самым большим сегментом населения, использующим социальные сетевые ресурсы. Следовательно, они являются основной мишенью террористов.

В стремлении контролировать и переориентировать сознание своих войск террористы, особенно Аль-Шабаб в Сомали, используют свою пропагандистскую машину на полную мощь. Они обещают небесные награды, упоминаемые в священных учениях, и поощряют борьбу для восстановления ислама. Для повышения морального духа боевиков призывают сражаться, чтобы победить влияние Запада и противостоять фальшивому успеху. Таким образом, боевики продолжают бороться за то, что они считают «правым» делом.

С другой стороны, те, кто отказывается от террористической деятельности, захваченные или сдавшиеся в плен, всегда считаются предателями. Им и их семьям угрожает мучительная смерть. Подобные угрозы лишают бывших террористов мужества, вынуждают их скрываться или бояться за свою жизнь вместо того, чтобы активно участвовать в развитии своих стран или в полной мере участвовать в ликвидации терроризма.

АМИСОМ, местные правительственные войска и другие участвующие силы не только в Сомали, но и по всему миру, стали объектами пропаганды террористов.

Были предприняты попытки очернить африканских миротворцев и правительства, окрестив их инструментами западных стран, а не освободителями, выполняющими свою panaфриканскую миссию. Их называют оккупационными силами, пытаются заставить войска считать, что их руководители и правительства преследуют эгоистические и незаконные цели. В такой ситуации без предоставления надлежащих оснований и объяснений моральное состояние войск может ухудшиться, и это будет играть на руку противникам.

Для доказательства победы террористов используются поддельные дезертирства и захваты в плен; и даже тогда, когда такие случаи происходят в действительности, их количество преувеличивается, а информация о них широко распространяется, чтобы снизить боевой дух войск и их командиров и лишить их мужества, или даже ослабить политическую волю стран-участниц для того, чтобы они задумались об отзыве своего контингента. Неудивительно, что каждый раз, когда в ходе борьбы АМИСОМ с Аль-Шабаб в Сомали погибает большое количество людей, первым нарративом в СМИ и других платформах становится требование о выводе коалиционных войск. Эта логическая цепочка выстраивается на основе пропаганды Аль-Шабаб, а не стран базирования участвующих войск.

ПОБЕДА НАД НАРРАТИВАМИ

В качестве глобальных субъектов борьбы с терроризмом мы должны в полной мере использовать средства

массовой информации и дебаты, способствовать привлечению общества и искать новые способы противодействия террористическим нарративам. Различные вооруженные силы и АМИСОМ должны широко использовать информационные операции. Тщательно подобранные докладчики должны прекратить информационную монополию террористов на их целевую аудиторию.

Сомалийцы, через правительство и службы безопасности, должны создавать свои информационные материалы и осуществлять контроль над информацией. В этой борьбе контрнарративов должны участвовать все субъекты, чтобы доказать нелегитимность лидеров террористов и их спонсоров.

Ниже предложены рекомендации для проведения операций АМИСОМ по противодействию психологическому воздействию Аль-Шабаб. Их можно использовать по отдельности или в различных комбинациях, основываясь на тщательном анализе и фактической информации об Аль-Шабаб и тех, кто остался в контролируемых этой организацией районах, например, для определения общих взглядов народных масс и отношения к Аль-Шабаб и к правительству Сомали и совместным политическим и военным инициативам правительства и АМИСОМ.

Продуманные, изложенные в логической последовательности опровержения террористических нарративов должны публиковаться в Интернете и других средствах информации, чтобы полностью дискредитировать их и, косвенно, другие идеологические послышки, исходящие из данного источника. Послания следует составлять таким образом, чтобы они отвлекали внимание аудитории от вопросов, поднятых террористами. Необходимо изолировать граждан от внешних влияний, предварительно создав условия, препятствующие их идеологической обработке, чтобы они автоматически отвергали сообщения террористов.

На основе имеющихся возможностей и ресурсов можно легко противодействовать террористическим нарративам, переориентировать наш народ и нейтрализовать эти нарративы. Усилия по охвату иностранных террористических боевиков необходимо проводить в правовой, религиозной, социальной, дипломатической и других сферах.

И, наконец, борьба с терроризмом — это «война», элементами которой являются идеи, взгляды и сознание. Мы часто думаем, что нарративы террористов являются их решающим оружием. Эти нарративы представляют собой конкурирующие фавулы, которым мы стараемся противостоять в своей небольшой Уганде и в борьбе с терроризмом в большей части региона.

Глобальное сотрудничество в борьбе с этими нарративами снизило бы возможность террористов оправдывать неизбирательные насильственные методы, распространять радикальные идеологии, вербовать новых боевиков и привлекать сочувствующих. □

КАК ЗАЩИТИТЬ КРИТИЧЕСКИ ВАЖНЫЕ ОБЪЕКТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ЕВРОПЕ

Бенедикт Хопфнер

Новая директива информационной безопасности ЕС ставит целью улучшить обмен информацией об угрозах между странами

Поезд прибывает в г. Эрстфильд (Швейцария), проехав Готтардский базисный туннель, — самый длинный и самый глубокий туннель в мире. Туннель длиной 57,1 километров является частью инфраструктурного проекта NEAT стоимостью 23 млрд. швейцарских франков. Июнь 2016 г.

РЕЙТЕР

Данная статья основана на работе, написанной мной в попытке идентифицировать последствия внедрения законодательного проекта ЕС. По профессии я инженер, а не юрист, и никак не связан с законодательством ЕС. Поэтому мой проект может показаться дерзким. Однако немного дерзости иногда необходимо для плодотворной дискуссии.

В декабре 2015 г. Европарламент и Европейский совет внесли первый проект соглашения о первом общеевропейском законодательстве по кибербезопасности. Проект был окончательно выпущен в июле 2016 г. Директива о сетевой и информационной безопасности (Директива NIS) может заложить основы будущей системы сотрудничества и многостороннего регулирования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на европейском континенте. Новый законодательный акт обязывает каждую страну выработать национальную стратегию сетевой и информационной безопасности. Он также объявляет о формировании «группы по сотрудничеству», задачи которой — укрепление доверия и обмена информацией между странами, обмен передовыми методами и создание сети национальных групп компьютерной безопасности и реагирования на инциденты (группы CSIRT) с целью улучшения координированного реагирования на инциденты.

Кроме того, Директива NIS устанавливает обязательное информирование о существенных нарушениях в работе «систем жизнеобеспечения». Рассмотрение этих систем жизнеобеспечения показывает существенную область совпадения с секторами, относящимися к критически важной инфраструктуре, как видно из Таблицы 1. Внедрение новой директивы повлияет на действующее законодательство, регулирующее деятельность критически важных объектов инфраструктуры.

Для защиты потенциально критически важных объектов инфраструктуры Евросоюз создал систему директив и нормативно-правовых актов. Однако, согласно статье Кшиштофа Сливински «Contemporary Security Policy» («Современная политика безопасности», 2014 г.), конфиденциальный характер вопросов национальной безопасности и принципы суверенитета всегда влекли за собой осторожное отношение к любым законодательным инициативам ЕС в этой области, даже к самым сдержанным. Тем не менее общепризнанным является тот факт, что более тесные европейские экономические связи делают необходимой

Взаимное наложение секторов критически важной инфраструктуры ЕС и систем жизнеобеспечения

Таблица 1

Критически важная инфраструктура	Системы жизнеобеспечения
Энергетика	Энергетика
Информационно-коммуникационные технологии	Цифровая инфраструктура
Водоснабжение	Питьевое водоснабжение
Продовольствие	
Здравоохранение	Сектор здравоохранения
Финансовый сектор	Инфраструктуры банков и финансовых рынков
Правопорядок и общественная безопасность	
Гражданская администрация	
Транспорт	Транспорт
Химическая и атомная промышленность	
Космические технологии и исследовательский сектор	

Источники: Комиссия европейских сообществ и Совет ЕС

защиту критически важной инфраструктуры на уровне ЕС. Следовательно, Евросоюз нуждается в адекватной общей системе национальной защиты критически важной инфраструктуры (СІР), о чем можно сделать вывод на основании работы Хавьера Аргоманиза, опубликованной в 2015 г. в журнале «Intelligence and National Security» («Разведки и национальной безопасности»).

Изменив принципы распространения информации, ИКТ стали частью буквально всех аспектов современной жизни. Эта новая парадигма также привела к растущей взаимозависимости между странами, и критически важная инфраструктура не является здесь исключением. Напротив, имеет место очевидное «оцифровывание» критически важной инфраструктуры. Оно происходит в результате внедрения современных систем управления информацией и контроля, а также благодаря усиливающимся взаимосвязям между различными организациями. Результатом становится растущая сложность и риск каскадных сбоев. Без общих принципов, способствующих объединению различных аспектов ИКТ и критически важной инфраструктуры, будет трудно создать устойчивость по отношению к будущим угрозам в киберфизической сфере. До сих пор управление критически важной инфраструктурой, кибербезопасностью и связанной с ней критически важной информационной инфраструктурой осуществлялось раздельно.

Рост взаимосвязанности критически важной инфраструктуры в цифровой среде и взаимозависимости инфраструктур европейских стран породил потребность в согласовании этих двух секторов с целью укрепления безопасности Европы и обеспечения ее конкурентоспособности. Новая Директива NIS может послужить важной отправной точкой для развития гармонизированной программы защиты критически важной инфраструктуры, а также содействовать управлению критически важной инфраструктурой в контексте ЕС.

Инициативы, заявленные в новой директиве, отчасти полезны, но их недостаточно для создания эффективных организационных основ, обеспечивающих устойчивость критически важной инфраструктуры. Директива NIS содержит недостаточно комплексное видение, в том числе в отношении частного сектора. В контексте этих проблем необходимо рассмотреть потенциальные преимущества и слабые стороны данной директивы.

Определение «критически важной инфраструктуры» и основы ее организации

Общая идея и представление о том, что такое критически важная инфраструктура и как она определяется, в большинстве стран очень похожи и сводятся к следующему: это инфраструктура, которая обеспечивает бесперебойное существование общества. Однако точки зрения разных стран расходятся в определении того, какие именно элементы инфраструктуры критически важны. В 2005 г. ЕС опубликовал перечень 11 основных критически важных инфраструктурных секторов. Как видно из Таблицы 2, страны ЕС лишь частично согласны в том, что относится к критически важной инфраструктуре. Список включает в

себя лишь 17 членов ЕС и Швейцарию, поскольку соответствующая информация на английском языке была доступна Европейскому агентству по сетевой и информационной безопасности (ENISA) только в отношении этих стран.

Из всех 11 секторов Директива Совета ЕС 2008/114/ЕС однозначно относит лишь энергетику и транспорт к «критически важной общеевропейской инфраструктуре». Эта Директива определяет Европейскую программу защиты критически важной инфраструктуры (EUCIP). Считается, что это единственные транснациональные инфраструктурные сектора, соответствующие критериям «критически важной инфраструктуры, находящейся в стране ЕС, нарушение работы которой или разрушение которой окажет существенное воздействие, по крайней мере, на две страны ЕС», согласно определению Совета Евросоюза. Более того, Люксембург и Италия вообще не считают ИКТ критически важной инфраструктурой, хотя ИКТ явным образом определены в директиве как потенциально критически важный общеевропейский инфраструктурный сектор.

Это означает, что только энергетический и транспортный сектор регулируются на уровне ЕС. Для содействия дальнейшему обсуждению потенциальных угроз и для создания сети координации и добровольного обмена информацией между различными секторами была создана сеть оповещения о проблемах критически важной инфраструктуры. Однако, согласно мнению, высказанному Рафаэлем Боссонгом в статье, опубликованной в журнале «European Security» («Европейская безопасность») в 2014 г., отсутствие обязательного информирования привело к тому, что данная сеть не оправдывает ожиданий

в области обеспечения ситуационной осведомленности. В своей статье в «European Journal of Risk Regulation» («Европейский журнал по вопросам управления рисками») за 2015 г. Марджолейн ван Асселт, Эллен Фос и Изабель Вильдхабер указывают, что потенциальных участников беспокоит вопрос конфиденциальности предоставляемой информации, что является серьезной проблемой для данной сети.

Европейская справочная сеть по защите критически важной инфраструктуры была создана для оказания научной поддержки в рамках программы EUCIP, а также для повышения стандартизации и гармонизации технологий. Однако этой сети недостает авторитетности и контактов с частным бизнесом — факторы, которые, по мнению Боссонга, жизненно важны для создания эффективной системы управления операционной безопасностью. ИКТ не являются частью современных организационных основ критически важной инфраструктуры, поэтому в рамках ЕС были созданы параллельные структуры содействия развитию критически важной информационной инфраструктуры.

Агентство ENISA, которое, как заявлено на его официальном сайте, «было создано с целью повышения способности Европейского союза, стран-членов ЕС и делового сообщества предотвращать проблемы сетевой и информационной безопасности, устранять их и реагировать на них», является независимой организацией в рамках Европейского Сообщества. В своей книге «Cybersecurity: Public Sector Threats and Responses» («Кибербезопасность: угрозы частному сектору и их преодоление») Нил Робинсон утверждает, что ENISA предоставляет Еврокомиссии и странам ЕС экспертные знания и рекомендации по вопросам информационных технологий (ИТ) и управления рисками, а также поддерживает частно-государственные партнерства. По словам Сливински, ENISA фактически рассматривается как «узел обмена информацией, передовыми методами и знаниями в области информационной безопасности» и не имеет реальной руководящей власти, за исключением консультирования Совета ЕС. Боссонг утверждает, что по-прежнему не существует центрального ведомства, имеющего возможность координировать политику и влиять на нее с целью защиты критически важной инфраструктуры. Тем не менее в качестве независимого агентства ENISA признает проблему растущей конвергенции между системами промышленного контроля, ИТ и их функциональными элементами. В связи с этим агентство выработало ряд рекомендаций и принципов для смягчения этой проблемы на техническом и практическом уровнях. Однако следование этим рекомендациям не является обязательным для стран ЕС.

Сектором телекоммуникаций занималось Европейское государственно-частное партнерство для повышения устойчивости, но оно было закрыто в апреле 2014 г. Робинсон объясняет, что целью этого государственно-частного партнерства было создание платформы для обмена информацией и передовыми методами между государственными должностными лицами и отраслью, а также выработка общего представления о приоритетах и целях.

Его эффективность считалась лишь отчасти удовлетворительной, поэтому на смену ему должно прийти новое государственно-частное партнерство по кибербезопасности. Компьютерная группа реагирования на чрезвычайные ситуации ЕС (CERT-EU) была создана в 2012 г. CERT-EU утверждает, что она «тесно сотрудничает с другими группами CERT в странах Евросоюза и за его пределами, а также с профессиональными компаниями по обеспечению информационной безопасности». (Термины «CERT» и «группа компьютерной безопасности и реагирования на инциденты» (CSIRT) используются в литературе как синонимы; в Директиве NIS применяется последний термин). До сих пор выработка координированного подхода к защите критически важной инфраструктуры от новых угроз имело ограниченный успех.

Директива NIS — изменения в защите критически важной инфраструктуры

Поскольку Еврокомиссия определяет критически важную инфраструктуру очень узко, относя к ней лишь энергетический и транспортный сектор, а «системы жизнеобеспечения» определяет широко, Директива NIS может повлиять на защиту критически важной инфраструктуры на уровне ЕС сильнее, чем программа EUCIP — по крайней мере, в аспекте кибербезопасности.

Каждая страна ЕС самостоятельно определяет понятие «оператора систем жизнеобеспечения»; несмотря на это, Совет ЕС рекомендует «всем странам ЕС согласованно применять определение понятия оператора систем жизнеобеспечения». Можно ожидать, что такое определение вызовет разногласия, как и в рассмотренной нами ситуации с определением общеевропейской критически важной инфраструктуры. Однако, поскольку все операторы систем жизнеобеспечения обязаны информировать свои национальные группы CSIRT об инцидентах, связанных с нарушением безопасности, отдельные страны и компании в этих странах будут достаточно заинтересованы в создании общих принципов определения систем жизнеобеспечения и соответствующих инцидентов. Обязательное для всех операторов систем жизнеобеспечения информирование об инцидентах побудит частные компании повысить свой уровень кибербезопасности и соблюдать базовые технические стандарты безопасности. Однако нужно обеспечить условия, в которых информирование необязательно сопровождается раскрытием идентичности информирующей стороны. Правовая обязанность открытого сообщения о проблемах безопасности — даже в анонимной форме — повысит осведомленность о рисках.

Требование создания национальной стратегии сетевой и информационной безопасности для каждой страны — это фундаментальное условие будущего сотрудничества между государствами, поскольку оно обязывает страны применять «меры, относящиеся к готовности, реагированию и восстановлению». «Организационные основы улучшения кибербезопасности критически важной инфраструктуры», выпущенные в 2014 г. Национальным институтом стандартов и технологий США, содержат сходный, но более

подробный подход к защите критически важной инфраструктуры: «Ядро организационных основ составляют пять функций, применяемых комплексно и постоянно: идентификация, защита, обнаружение, реагирование, восстановление». Эти функции соответствуют жизненному циклу защиты критически важной инфраструктуры, описанному Бернардом Хэммерли и Андреа Ренда в отчете, подготовленном ими в 2010 г. для Центра европейских политических исследований. Эффективное и согласованное создание таких организационных основ по всей Европе будет способствовать повышению осведомленности и общему улучшению

действий по противодействию киберугрозам, направленным против критически важной инфраструктуры.

Однако в отсутствие формальной коррективной поддержки со стороны ЕС эффективность внедрения стратегии NIS может отличаться для разных стран. Слишком статичная формальная стратегия будет неэффективна по отношению к крайне динамичной цифровой сфере. Несмотря на наличие требования идентифицировать системы жизнеобеспечения и передать эту информацию в установленный срок, отсутствуют явным образом определенные сроки для внедрения стратегии NIS. Эти факторы могут помешать эффективному внедрению

стратегии, поскольку отсутствие взаимовыгодного обмена практиками и информацией между всеми сторонами приведет к отсутствию стимулов для участия сверх минимально необходимого уровня. Это особенно важно, если учесть, что исходные возможности и значимость данной проблемы отличаются для разных стран.

Межгосударственное сотрудничество, а также сотрудничество с частным сектором является жизненно важным. Однако оно может быть эффективным только в том случае, если выгоду получают все участники.

Хотя важность сотрудничества с частным сектором явным образом прописана в Директиве NIS, в ней не рассматривается вопрос о том, каким образом должно происходить такое сотрудничество и какие организации несут за него ответственность на уровне ЕС. Это может оказаться упущенной возможностью — ведь в своем итоговом отчете о Европейском государственно-частном партнерстве для повышения устойчивости ENISA рекомендует при создании будущих государственно-частных партнерств определять простые, но формальные принципы управления на самых ранних стадиях. Представляется, что, помимо отчетов, подаваемых национальным группам CSIRT, отсутствует платформа по обмену информацией как между странами, так и с частным сектором. С учетом того, какая значительная доля критически важной инфраструктуры принадлежит частному сектору, опасность представляет отсутствие активного продвижения формального координационного органа или площадки по обмену информацией для частных организаций на общеевропейском уровне, подобного центрам обмена и анализа информации (ISACS), созданным в США.

Директива NIS утверждает, что организационная структура, содействующая управлению рисками, может быть инициирована путем предоставления группам CSIRT явного мандата на работу с системами жизнеобеспечения, а также путем создания сети групп CSIRT с целью «построения уверенности и доверия между

Сектора критически важной инфраструктуры с точки зрения стран ЕС Таблица 2

Сектора	Энергетика	ИКТ	Водоснабжение	Продовольствие	Здравоохранение	Финансовый сектор	Правотворчество и общественная безопасность	Гражданская администрация	Транспорт	Химическая и атомная промышленность	Космические технологии и исследования и сектор	Другое
Австрия	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓		
Бельгия	✓	✓				✓			✓			
Чехия	✓	✓	✓	✓		✓		✓	✓			Аварийные службы
Дания	✓	✓		✓	✓				✓			
Эстония	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓			Спасательные службы
Финляндия	✓	✓	✓	✓	✓	✓			✓			
Франция	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓		Промышленность
Германия	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓				СМИ и культура
Греция	✓							✓				
Венгрия	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓				Промышленность
Италия	✓							✓				
Мальта	✓	✓		✓	✓			✓				
Нидерланды	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓			
Польша	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓			Спасательные службы
Словакия	✓	✓	✓		✓			✓				Промышленность/ Почтовые службы
Испания	✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓		
Великобритания	✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓				Аварийные службы

Источник: ENISA, 2014 г.

странами ЕС и развития быстрого и эффективного операционного сотрудничества». Хэммерли и Ренда высказывают предположение о том, что сотрудничество в рамках таких организационных структур также может способствовать движению к взаимопониманию и общим стандартам, необходимым для эффективного оперативного взаимодействия. Обмен информацией об инцидентах, безусловно, может способствовать общему повышению ситуационной осведомленности о сложных угрозах в рамках ЕС — хотя здесь есть и потенциальная проблема, ведь такой обмен может происходить только добровольно. Если между обменивающимися информацией группами CSIRT не будет подлинного, основанного на доверии сотрудничества, общая картина угроз не будет представлять ценности. Однако неясно, насколько велика будет эта группа: ведь каждое государство само определяет, какие национальные группы CSIRT станут участниками этой сети и, следовательно, насколько доверительной окажется рабочая обстановка. Остается также открытым вопрос о том, как интегрировать в этот процесс частный сектор. Отсутствует упоминание процесса, посредством которого операторы систем жизнеобеспечения смогут извлекать выгоду из такого обмена информацией — и, следовательно, повышать устойчивость своих систем.

Директиве также недостает дифференцированной координации между различными секторами критически важной инфраструктуры. Задачи, установленные для группы по сотрудничеству, предполагают единую шаблонную стратегию, подразумевая, что такая группа станет центром информации и передовых методов. Такая структура не сможет справиться с нагрузкой в силу огромного разнообразия систем жизнеобеспечения. Цели и потребности банковских и финансовых структур отличаются от целей и потребностей сетей водоснабжения; не существует единого подхода к эффективному управлению рисками. Результатом нехватки средств обмена информацией на более горизонтальном уровне (между секторами) может стать перегрузка информацией о рисках.

Наличие организации высокого уровня является полезным для достижения единой, всеобъемлющей картины потенциальных рисков. Однако в директиве отсутствуют формальные положения, которые могли бы обеспечить требуемую эффективность выработки такой картины; нет также и приоритизации рисков. Вызывает сомнения, что в рамках такой группы по сотрудничеству можно будет в полной мере удовлетворить потребности различных заинтересованных лиц в обмене информацией, опытом и методами управления рисками. Кроме того, без прямого вклада операторов систем жизнеобеспечения, большая часть которых принадлежит к частному сектору, ситуационная картина лишится важных элементов. Конечно, будет непродуктивным включать в такую группу индивидуальные компании — подобное несоразмерно широкое членство подорвет к ней доверие. Однако имеется явная потребность в прямом участии органа, представляющего различные сектора критически важной инфраструктуры, принадлежащие к частному сектору.

Заключение

Очевидно, что Евросоюз нуждается в консолидации своего подхода к защите различных секторов критически важной инфраструктуры; до сих пор такая консолидация отсутствовала. Развитие технологий и быстрая передача информации поверх государственных границ стали причиной слияния критически важной инфраструктуры и ИКТ — несмотря на то, что изначально потребности этих двух секторов были различны.

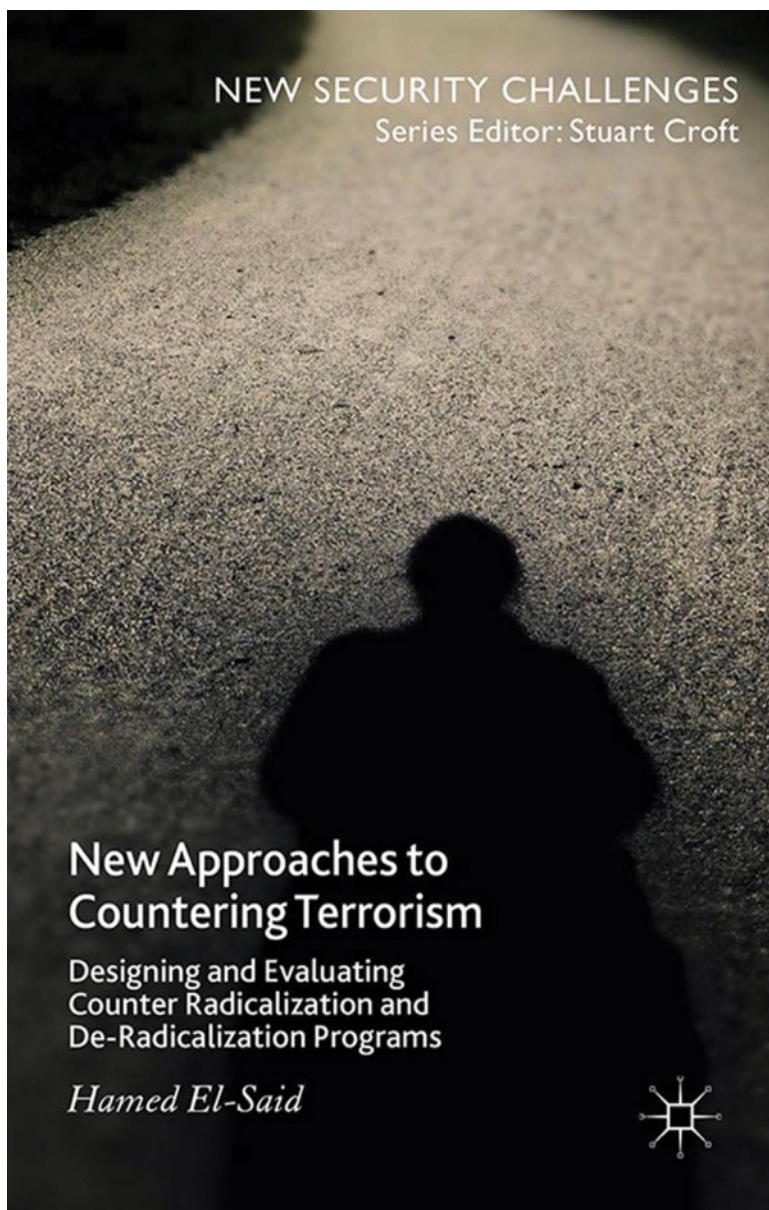
Подход Директивы NIS, заключающийся в слиянии основных аспектов критически важной инфраструктуры и обеспечении прозрачности путем создания национальных законодательств во всех странах ЕС, несомненно, поможет повысить осведомленность о данной проблеме. Это важная веха на пути к консолидации. Выработка национальных стратегий сетевой и информационной безопасности, а также обязательное информирование об инцидентах, связанных с нарушением безопасности, может помочь странам сконцентрироваться на улучшении ситуации. Но этого недостаточно для достижения эффективной долгосрочной защиты.

Чтобы адекватно решить проблему управления растущей сложностью процессов, ЕС необходима культура осведомленности об угрозах и гибкой адаптации. В силу транснациональной взаимосвязанности критически важной инфраструктуры для эффективного управления рисками необходим обмен информацией между странами. Сеть сотрудничества групп CSIRT будет способствовать обмену информацией, но она не создаст полную информационную картину и не сможет оказать эффективную поддержку общей стратегии управления рисками в секторах критически важной инфраструктуры на уровне ЕС. Сходные проблемы присутствуют и для группы по сотрудничеству. Для обеспечения успешного обмена информацией и управления рисками необходимо участие в этом процессе частного сектора.

В этом отношении в Директиве NIS имеются недочеты. Она не устанавливает официальных контактов с группой по сотрудничеству и с группами CSIRT. Создание репрезентативной концепции для отдельных секторов критически важной инфраструктуры и ее интеграция в Директиву NIS будут способствовать тому, чтобы информация о потенциальных рисках и отраслевой вклад в выработку будущих регламентов официально транслировались в систему сотрудничества. Этот вопрос может быть решен в рамках пока еще не созданного государственно-частного партнерства по кибербезопасности, но, кроме важности и необходимости этой инициативы, в Директиве NIS нет ничего, что касалось бы сотрудничества между государственным и частным секторами на уровне ЕС.

Инновации новой Директивы NIS являются позитивным шагом на пути к выработке общих принципов и закладке основ для дальнейшего сотрудничества, но они недостаточны для решения грядущих проблем. Отсутствие тесного интегрированного сотрудничества между отдельными странами ЕС, а также сотрудничества с частным сектором снижает способность заинтересованных участников к объединению усилий для защиты общеевропейской критически важной инфраструктуры. □

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Автор книги: Хамед Эль-Саид

Издатель: Palmgrave Macmillan, 2015 г.

Рецензент: Клэр Калверт

По мере роста числа стран, сталкивающихся с угрозой иностранных террористических боевиков, книга «Новые подходы к противодействию насильственному экстремизму» приобретает еще более важное значение для высокопоставленных политиков, оценивающих программы дерадикализации и меры по противодействию радикализации. Это второй том книги «Дерадикализация воинствующих экстремистов: программы по дерадикализации и противодействию радикализации и их влияние в государствах с мусульманским большинством населения». Эль-Саид приводит дальнейшие примеры из государств с мусульманским большинством населения, включая примеры из таких стран с мусульманским меньшинством, как Австралия. Эти изменения отражают распространение в западных странах «мягких» мер по борьбе с насильственным экстремизмом и повышение осведомленности об их использовании. Эта книга представляет собой содержательное и бесценное руководство для правительств, разрабатывающих и реформирующих свои стратегии по борьбе с терроризмом.

Эль-Саид считает, что пришло время пересмотреть неправильные меры по борьбе с терроризмом и начать внедрение мягких подходов. Он утверждает, что боевые действия, такие как авиаудары и военные операции, скорее способствуют, а не препятствуют радикализации. По его мнению,

основной предпосылкой противодействия насильственному экстремизму является осознание того, что радикализация является процессом, а не событием. Поэтому радикализация может быть остановлена или смягчена.

Эль-Саид рассматривает условия для радикализации и их различие в развитых и слаборазвитых странах. В государствах, поддерживающих хорошие отношения между силами безопасности и гражданским обществом, ниже вероятность насильственного экстремизма. Автор показывает, как действия австралийской полиции после 11 сентября способствовали радикализации живущей в стране ливанской общины. На основе тщательного анализа проводится сравнение этих отношений с отношениями в эпоху мультикультурализма в Австралии в 1970-х гг. и с правительством Джона Говарда в 1996 г., которое гораздо более негативно относилось к иммигрантам. Обращая внимание на различные условия для радикализации в развитых и слаборазвитых странах, Эль-Саид приводит общие факторы радикализации и включает их во все примеры по странам. В этой главе представлена обоснованная концепция для понимания причин радикализации.

ЭЛЬ-САИД СЧИТАЕТ, ЧТО ПРИШЛО ВРЕМЯ ПЕРЕСМОТРЕТЬ НЕПРАВИЛЬНЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ И НАЧАТЬ ВНЕДРЕНИЕ МЯГКИХ ПОДХОДОВ. ОН УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ТАКИЕ КАК АВИАУДАРЫ И ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ, СКОРЕЕ СПОСОБСТВУЮТ, А НЕ ПРЕПЯТСТВУЮТ РАДИКАЛИЗАЦИИ.

Кроме того, примеры в книге содержат подробную историю и обстановку в каждой стране, которые предваряют данные о национальных стратегиях по борьбе с насильственным экстремизмом. Эль-Саид настаивает на том, что понимание является ключом к противодействию проблеме. Стандартной программы по борьбе с насильственным экстремизмом не существует, однако стратегии формируются в зависимости от истории, демографии, культуры, населения, экономики и других факторов, присущих той или иной

стране. Например, в объемной главе о Мавритании рассказывается о долгой и недокументированной истории этого государства в Западной Африке. Это необходимо для объяснения действий Мавритании в отношении насильственного экстремизма.

Помимо простого изучения программ дерадикализации, в книге оцениваются результаты и используются углубленные тематические исследования для сравнения программ в разных странах. Автор использует эти сравнения для выработки рекомендаций и объясняет, почему программы используемые в одной стране, могут быть неэффективными в другой. Например, он отмечает значительное участие семей в программе дерадикализации в Саудовской Аравии. С другой стороны, семьи играют меньшую роль в Австралии. Отмечаются успешные усилия Турции и Сингапура.

Работа автора основана на углубленных и тщательных исследованиях и интервью с официальными лицами, реализующими программы своих стран, и содержит важную информацию из первичных источников. Именно из таких исследований, как это, мы узнаем, что Австралия прилагала значительные усилия для поиска имамов для своей программы. Книга позволяет провести сравнение между программами в странах с мусульманским большинством и меньшинством и содержит рекомендации для стран, которые только начинают создавать программы дерадикализации.

Утверждение Эль-Саида о том, что дерадикализация принимает различные формы в разных государствах, подтверждается в конце книги. Например, то, что в одной стране можно назвать дерадикализацией, в другой стране можно рассматривать как более эффективное управление тюрьмами. Книга указывает на необходимость страновых программ вместо простого применения программы из одной страны в другой стране, подчеркивая ошибочные попытки некоторых стран скопировать модель, принятую в Саудовской Аравии. Такой подход к изучению и реализации программ дерадикализации дает информацию к размышлению, из которой можно извлечь практические уроки и реализовать их.

Эта книга представляет собой содержательный второй том, и в новых примерах из стран с мусульманским меньшинством должны быть заинтересованы не только правительства, предприниматели более мягкие меры по борьбе с экстремизмом, но и те, кто стремится развиваться и повышать эффективность борьбы с насильственным экстремизмом. □

ПРОГРАММА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ (ПВКБ)

Курс посвящен тому, как решать проблемы киберпространства в соответствии с основополагающими ценностями демократического общества. Это нетехническая программа, которая помогает участникам понять характер и масштабы современных угроз.

ПВКБ 17-04

31 Январь -
16 Февраль 2017

Январь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30	31			

Февраль						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28				

СЕМИНАР ПО РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (СРБ)

Семинар продолжительностью три недели имеет целью систематический анализ характера отдельных кризисов, влияния региональных субъектов, а также воздействия международных мер помощи.

СРБ 17-07

4-27 Апрель 2017

Апрель						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
						1
2	3	4	5	6	7	8
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30						

СЕМИНАР ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА (СВРС)

Это интенсивная пятидневная программа, посвященная новым ключевым глобальным тенденциям, которые могут привести к появлению новых точек зрения, концепций и совместных обсуждений, а также возможных решений. Программа предназначена для высшего офицерского состава, дипломатов высокого ранга, послов, министров, заместителей министров и парламентариев. СВРС состоит из официальных презентаций, проводимых высшими должностными лицами и признанными специалистами, с последующим всесторонним обсуждением в семинарских группах.

СВРС 17-10

5-9 Июнь 2017

Июнь						
ВС	ПН	ВТ	СР	ЧТ	ПТ	СБ
				1	2	3
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	

ПРОГРАММЫ ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ

Дин Рид, Директор программ для выпускников
тел +49-(0)8821-750-2112
reeddg@marshallcenter.org

Специалисты по связям с выпускниками

Барбара Уизер
Юго-Восточная Европа

Языки: английский, русский, немецкий, французский

тел + 49-(0)8821-750-2291
witherb@marshallcenter.org

Кристиан Эдер
Западная Европа

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2814
christian.eder@marshallcenter.org

Марк Джонсон

Центральная Азия, Южный Кавказ, Россия, Молдова, Украина, Беларусь – Специалист по кибервопросам

Языки: английский, русский, французский

тел + 49-(0)8821-750-2014
marc.johnson@marshallcenter.org

Кристофер Бурелли

Центральная Европа, Прибалтийские государства – специалист по противодействию терроризму

Языки: английский, словацкий, итальянский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2706
christopher.burelli@marshallcenter.org

Донна Джанка

Африка, Ближний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия, Северная и Южная Америка – специалист Оперативного центра по противодействию терроризму (СТОС)

Языки: английский, немецкий

тел + 49-(0)8821-750-2689
nadonya.janca@marshallcenter.org

mcalumni@marshallcenter.org

Подать материал для публикации

Вы заинтересованы в подаче материалов для публикации в журнале *per Concordiam*? Правила подачи материалов для публикации можно найти по адресу <http://tinyurl.com/per-concordiam-submissions>

Подписаться

Если Вы хотите подписаться на **БЕСПЛАТНУЮ** доставку журнала *per Concordiam*, пожалуйста, свяжитесь с нами по электронной почте editor@perconcordiam.org

Найти нас

Вы можете найти *per Concordiam* на интернете по адресу:
Центр им. Маршалла: www.marshallcenter.org
Twitter: [www.twitter.com/per_concordiam](https://twitter.com/per_concordiam)
Facebook: www.facebook.com/perconcordiam
GlobalNET портал: <https://members.marshallcenter.org>
Цифровая версия: <http://perconcordiam.com>

Европейский центр исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла в Гармиш-Партенкирхене, Германия.

ФОТОГРАФИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНА ЦЕНТРОМ ИМ. МАРШАЛЛА